UNE ✦ SACRA

Древняя Греция

Одиссея

✦ ✦ ✦

Гомер

В. А. Жуковский (1849)

Сведения

Автор	Гомер
Дата	VIII век до н. э.
Язык оригинала	Древнегреческий
Версия	В. А. Жуковский (1849)
Издание	1
Перевод	Василий Андреевич Жуковский
Источник	Викитека — Гомер, Одиссея, пер. В. А. Жуковского (1849)
Лицензия	CC BY-NC-SA 4.0 · оригинал: Public domain

О тексте:

Эпическая поэма, приписываемая Гомеру и созданная около VIII века до н. э. как продолжение «Илиады». В 24 песнях она рассказывает о возвращении Одиссея на Итаку после Троянской войны: десяти годах скитаний, встрече с циклопом Полифемом, волшебницей Цирцеей, сошествии в царство мертвых, испытаниях сиренами и нимфой Калипсо; о поисках сына Телемаха, отправившегося за вестями об отце; а также о возвращении домой под видом нищего, состязании с луком и мести женихам, осаждавшим Пенелопу.

Поэма дала имя всякому долгому путешествию, полному испытаний, и стала образцом для бесчисленных историй о возвращении домой — от «Энеиды» Вергилия до «Улисса» Джеймса Джойса. В отличие от «Илиады», действие которой разворачивается на поле боя, «Одиссея» воспевает хитроумие, гостеприимство и верность — Пенелопы, Телемаха, свинопаса Эвмея и старого пса Аргуса, который узнает своего хозяина спустя двадцать лет и умирает.

Источник: https://ru.wikisource.org/wiki/Одиссея_(Гомер;_Жуковский)

Условия использования этой версии см. в указанном выше источнике. Оформление этого файла принадлежит Une Sacra (CC BY-NC-SA 4.0); текст сохраняет лицензию, указанную выше.

Электронное издание подготовлено 26 ноября 2026 г. библиотекой Une Sacra, открытой библиотекой священных текстов. · UneSacra.com

Содержание

Песнь I

Песнь II

Песнь III

Песнь IV

Песнь V

Песнь VI

Песнь VII

Песнь VIII

Песнь IX

Песнь X

Песнь XI

Песнь XII

Песнь XIII

Песнь XIV

Песнь XV

Песнь XVI

Песнь XVII

Песнь XVIII

Песнь XIX

Песнь XX

Песнь XXI

Песнь XXII

Песнь XXIII

Песнь XXIV

ПЕСНЬ I

✦

1-10 Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илио́н им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопу́тников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелио́са, над нами ходящего бога; —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

11-15 Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.

16-21 Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.

22-25 Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.

26-28 Там он, сидя́ на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;

29-32 В мыслях его был Эги́ст беспорочный (его же Атри́дов
Сын, знаменитый Оре́ст, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зеве́с Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!

33-36 Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?

37-39 Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргу́са, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.

40-43 «Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», — так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».

44-53 Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Крони́он, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет

Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы мо́ря
Все глубины́ и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.

54-61 Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
Держит, волше́бством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеяся в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»

62-66 Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?

67-76 Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Всё негодуя за то, что циклоп Полифе́м богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоо́сою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея

Смерти предать и не властен, но, по́ морю всюду гоняя,
Всё от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,

77-79 Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!

80-89 Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Во́ли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
В землю свою Одиссею, в беда́х постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб со́звал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим

90-93 Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».

94-96 Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;

97-99 После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.

100-104 Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ме́нтеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;

105-114 В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
Много нарезав, его разносили. Богиню Афину
Прежде других Телема́х богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратяся в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,

115-121 Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афину;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом; приблизясь,
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник! войди к нам; радушно тебя угостим мы;

122-127 Ну́жду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинея Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в беда́х постоянного, были.

128-133 К креслам богатым, искусной работы, подведши Афину,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.

134-140 Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высо́ко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил;

141-144 Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;

145-151 Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их лакомой пищей, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фе́мию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.

152-154 Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слыхали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;

155-158 Здесь веселятся; у них на уме лишь музы́ка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.

159-161 Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.

162-164 Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, — ему уж возврата не будет.

165-169 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.

170-173 Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралося много
В нашем дому; и с людьми обхожденье любил мой родитель».

174-180 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиа́ла
Мудрого сын, именуюся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел; путешествуя темным
Морем к народам иного язы́ка, хочу я в Темесе
Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;

181-189 Свой же корабль я поставил под склоном Нейо́на лесистым
На́ поле, в пристани Ре́тре, далеко от города. Наши
Предки изда́вна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
Деда, героя Ла́эрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По́ полю взад и вперед посреди своего винограда.

190-192 Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;

193-198 Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он, иль, может быть, страждет в неволе
Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.

199-201 Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.

202-205 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чу́дно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;

206-208 Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахеян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».

209-211 «Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю;

212-216 Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
До́жил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».

217-222 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь, конечно.

223-225 Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
Быть устыдится, позорное их поведение видя».

226-229 «Добрый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.

230-239 Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

240-244 Пла́чу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и си́льны,
Первые люди Дули́хия, За́ма, лесного Заки́нфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;

245-247 Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».

248-250 С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.

251-256 О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
Ила, Мерме́рова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;

257-259 Яда, смертельного людям, искал он, дабы́ напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;

260-262 Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.

263-266 Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.

267-269 Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахе́ян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;

270-274 После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлися;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.

275-279 Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
О́ссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

280-282 Пи́лос сперва посетив, ты узнай, что божественный Не́стор
Скажет; потом Менела́я найди златовласого в Спарте;
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.

283-288 Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,

То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужство.

289-293 После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;

294-296 Знаешь, какою божественный отрок Орест перед целым
Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?

297-300 Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.

301-304 Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я».
«Милый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.

305-309 Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили».

310-314 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».

315-319 С сими словами Зевесова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.

320-323 Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.

324-330 В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Ика́рия дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;

331-334 Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фе́мий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;

335-338 Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начату́ю
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;

339-345 Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и А́ргос».
«Милая мать, — возразил рассудительный сын Одиссеев, —
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.

346-348 Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь, — с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;

349-351 Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.

352-355 Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».

356-360 Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок

Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

361-367 Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопою ложе разделит.
К ним обратяся, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

368-371 Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.

372-376 Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».

377-383 Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антино́й, сын Евпе́йтов, ему отвечал, возражая:
«Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!»

384-386 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.

387-389 Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.

390-392 Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.

393-398 В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
Тут Еврима́х, сын Поли́биев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто, —
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;

399-401 Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.

402-404 Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?

405-407 Иль посетил нас, по собственной ну́жде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».

408-416 «Друг Евримах, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Та́фоса, Ментес,
Сын Анхиа́ла, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.

417-420 Те ж, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.

421-423 Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.

424-429 Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Евриклéя, разумная дочь Певсено́рида О́пса;
Куплена в лéтах цветущих Лаэртом она — заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаяся ревности женской.

430-437 Факел неся, Евриклея вела Телемаха — за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила

Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Евриклея сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;

438-440 Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ II

✦

1-5 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил,
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.

6-11 Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.

12-14 Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.

15-20 Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
По́плыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроте, последний, похищенный им для вечерния пищи.

21-25 Три оставалися старцу: один, Еврином, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

26-28 Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас со́брал теперь? Кому в том внезапная ну́жда?

29-31 Юноша ль он расцветающий? Муж ли, годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?

32-34 Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гра́жданин; слава ему! да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».

35-38 Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсене́ор, глашатай, разумный советник.

39-41 К старцу сперва обратяся, ему он сказал: «Благородный
Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, — это я сам, и печаль мне великая ныне.

42-44 Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

45-47 Ныне о собственной, дом мой постигшей беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;

48-54 Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья; им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.

55-59 Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

60-62 Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;

63-67 Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть? По крайней
Мере, чужих устыдитесь людей и народов окру́жных,
Нам сопредельных; богов устрашитеся мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодуя на вашу неправду.

68-72 Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеян;

73-78 Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
Мы, чтоб и скот наш живой, и лежачий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;

79-81 Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем».
Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;

82-85 Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
«Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?

86-88 Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.

89-92 Три совершилося года, ужé наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.

93-98 Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи, — поелику на свете
Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;

99-102 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы́ не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».

103-105 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем — распускала.

106-108 Три́ года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый —
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;

109-114 Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.

115-122 Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много

Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене
Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобре́тенья тщетны;

123-126 Знай, не престанем твой дом разорять мы до те́х пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложе́нных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;

127-131 Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа».
«О Антиной, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;

132-136 Жив ли, погиб ли, — не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю, — тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью
Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, накличет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюся вечным.

137-140 Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.

141-145 Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».

146-149 Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;

150-152 Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрестанными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;

153-156 Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.

157-161 Выступил тут пред народ Алифе́рс, многоопытный старец,
Сын Масто́ров; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.

162-171 Прежде, однако, дабы́ женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
Где-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя

Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я

172-176 Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».

177-179 Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.

180-186 В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелио́са
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.

187-190 Слушай, однако, — и то, что услышишь, исполнится верно, —
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;

191-193 Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.

194-197 Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:
Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.

198-207 Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь, — ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратиться
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».

208-210 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«О Евримах и вы все, женихи знаменитые, боле
Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;

211-217 Боги всё ведают, всё благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пи́лос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,

Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

218-223 Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притесненья; когда же
Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно
Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство».

224-229 Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный
Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ме́нтор.
Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным
Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный
Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

230-234 Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,
Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим
Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.

235-238 Ну́жды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами своею играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.

239-241 Вас же, гражда́не Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое».

242-251 Сын Евено́ров тогда, Леокри́т, негодуя, воскликнул:
«Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор? Смирить нас
Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих
Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.

252-254 Вы ж разойдитеся, люди, и каждый займися домашним
Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею
Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;

255-257 Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, сбирая
Вести; пути же ему своего совершить не удастся».
Так он сказав, распустил самовольно собранье народа.

258-260 Все, удалясь, по своим разошлися домам; женихи же
В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.

261-265 Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли

Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;

266-268 Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.

269-275 Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятое дело.

276-280 Редко бывают подобны отцам сыновья; всé большею
Частию хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
Есть для тебя, что успешно свершишь предприятое дело.

281-284 Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.

285-287 Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.

288-291 Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
Пусть и в амфóры вина нацедят, и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.

292-295 Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
В путь изготовлен, и спустим его на священное море».

296-300 Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратяся с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.

301-305 С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
«Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.

306-308 Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».

309-311 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;

312-320 Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликать,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду — и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».

321-323 Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.

324-327 Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.

328-330 Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
Здесь отравить им кратéры и разом нас всех уничтожить».

331-333 «Но, — отвечали другие насмешливо первым, — кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.

334-336 Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
Всё разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избрáнному ею меж нами».

337-339 Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;

340-343 Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.

344-347 Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
Входом служили; почтенная ключница денно и нощно
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Евриклéя, разумная дочь Певсенóрида Óпса.

348-352 В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
«Няня, амфóры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и всё уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.

353-358 Им ты двенадцать наполни амфóр и амфóры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржанóю
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалося двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.

359-366 Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье».
Кончил. Ему Евриклея, усердная няня, заплакав,

С громким рыданьем крылатое бросила слово: «Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далёко;

367-370 Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят
Ков, чтоб изве́сть и тебя, и твое всё богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет ну́жды
В страшное море тебе на беды́ и на бури пускаться».

371-380 Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать,
Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет, — боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица». Евриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфо́ры наливши,
Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.

381-383 Он же, домой возвратившися, там с женихами остался.
Умная мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха принявши, она обежала весь город;

384-387 К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
После, пришед к Ноемо́ну, разумного Фро́ния сыну,

Дать ей просила корабль — Ноемон согласился охотно.

388-391 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.

392-398 Люди сошлися, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.

399-401 Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,
Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам;

402-404 Все собралися уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».

405-408 Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного брега.

409-411 К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;

412-415 Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.

416-419 Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.

420-425 Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;

426-428 Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся́, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;

429-433 Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.

434 Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ III

✦

1-3 Гéлиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.

4-6 Тою порою достигнул корабль до Нелеева града,
Пышного Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;

7-14 Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратяся, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;

15-18 Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.

19-22 Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
«Но, — отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, —
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?

23-26 Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;

27-31 Многое гений откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно
К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;

32-35 Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.

36-39 Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат благородный,
Ласково за́ руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.

40-48 Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
«Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,

Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай; он, я думаю, молится также богам, поелику
Всé мы, люди, имеем в богах благодетельных нýжду.

49-51 Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю».
Кончив, он пéредал кубок с вином благовонным Афине.

52-56 Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:
«Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.

57-59 Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;

60-62 Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Всё, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком».
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;

63-70 После двуярусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Рóздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренéйский:
«Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.

71-74 Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды́ приключая народам?»

75-81 С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;

82-85 Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.

86-91 Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Всé; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.

92-95 Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно
Странника. Матерью был он рожден на беды́ и на го́ре.

96-101 Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».

102-111 Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
«Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом, —
Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым Пели́дом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный

112-114 Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли всё рассказать хоть один из людей земнородных?

115-117 Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести сбирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.

118-123 Девять трудилися лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, — кончить насилу решился Кронион.
В умных советах никто там не мог наряду быть поставлен

С ним: далеко опере́живал всех изобре́теньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;

124-127 С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;

128-132 В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратилися, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.

133-135 Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
Многих, разгневавших дочь светлоокую страшного бога.

136-142 Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Со́брали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлися, вином охмеленные; те же
Стали один за другим объяснять им причину собранья:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;

143-147 То Агаме́мнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,
Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,

Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.

148-150 Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахеян
Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись мненья.

151-154 Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказанье.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко́ опоясанных) вышли.

155-158 Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агаме́мноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.

159-161 Скоро пришед в Тенедо́с, принесли мы там жертву бессмертным,
Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.

162-164 Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесе́льных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агаме́мнону вновь покориться.

165-167 Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
По́плыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
По́плыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;

168-172 Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбо́се
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо открытого воющим ве́трам Мимонта?

173-175 Дия молили мы зна́менье дать нам; и, зна́менье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой средине,
Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;

176-179 Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко́, корабли до Гере́ста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.

180-183 День совершился четвертый, когда, добежав до Арго́са,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пи́лос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.

184-187 Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доныне
Сведать еще я не мог, кто погиб из ахеян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.

188-192 Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидо́ны его, копьеносцы, домой возвратились;
Жив, говорят, Филокте́т, сын Пеа́нов возлюбленный; здраво
Идомене́й (никого из сопутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на́ море) Крита достигнул;

193-195 К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
Как и Эгист наконец по заслуге приял воздаянье.

196-198 Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!

199-204 Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Дóлжно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили».
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.

205-207 О, когда б и меня одарили такою же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!

208-211 Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу, и удел мой отныне — терпенье».
Так Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский:
«Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;

212-215 Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоем женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею снóсил? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?

216-220 Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратяся, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!

221-224 Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала».

225-228 Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».

229-231 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;

232-235 Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
Пал Агаме́мнон предательством хитрой жены и Эгиста.

236-238 Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».

239-242 Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
«Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.

243-248 Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору — правдой и мудростью всех он людей превосходит:
Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агаме́мнон пространнодержавный?

249-252 Где Менелай находился? Какое губя́щее средство
Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Арго́са, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?»

253-261 «Друг, — Телемаху ответствовал Нестор, герой геренейский, —
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
В поле далеко за градом Арго́сом лежащего, жены
Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.

262-264 Тою порою, как билися мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргóса
Сердце жены Агамéмнона лестью опутывал хитрой.

265-268 Прежде самой Клитемнéстре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамéмнон,
В Трою готовяся плыть, наблюдать повелел за супругой;

269-271 Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,
Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.

272-275 Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множеством вкладов, и златом и тканями, храмы украсил,
Дерзкое дело такое с нежданным окончив успехом.

276-278 Мы же, покинувши землю троянскую, пóплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;

279-283 Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидúмо
Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоопытной, твердой рукою
Фрóнтис, Онéторов сын, наиболе из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.

284-290 Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он

В темное море пошел и высокого мыса Малле́и
Быстро достиг — повсеместно гремящий Кронион, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.

291-294 Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидо́ны у светлых потоков Ярда́на.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Горти́ны;

295-298 Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.

299-304 Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
Ветер могучий и волны ко брегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного язы́ка, и в то же
Время Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, — народ покорился безмолвно.

305-308 Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богоподобный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.

309-312 Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,

Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.

313-316 Ты же недолго, мой сын, в отдаленьи от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Всё, и без пользы останется путь, совершенный тобою.

317-322 Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, — толь страшно великой пучины пространство.

323-327 Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней с колесницей
Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакеде́мон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;

328-331 Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
«Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;

332-334 Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;

335-337 День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапе́зой богов; удалиться пора нам».
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.

338-340 Тут для умытия рук им служители по́дали воду;
Отроки светлым крате́ры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;

341-344 Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.

345-347 Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!

348-351 Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? — Но покровов и мягких постелей найдется довольно.

352-355 Можно ль, чтоб сын толь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»

356-358 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.

359-364 Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею
Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Дóлжно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из сопутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;

365-370 Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавкóнов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных».

371-373 Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.

374-376 За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:
«Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.

377-379 Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь, Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргúвян.

380-384 Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле

Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым».

385-387 Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных
В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;

388-392 С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфо́ры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфо́ры той кровлю.

393-396 Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.

397-399 Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;

400-403 Лег близ него Писистрат, копьевержец, мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, пере́стланной мягко царицею, Нестор.

404-409 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких

Ка́мнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;

410-416 Но уж давно уведен был судьбою в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный
Пе́стун ахе́ян. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Exе́фрон, Персей, Стратио́н, и Аре́тос, и юный
Богу подобный красой Фрасиме́д; наконец и шестой к ним,
Младший из братьев пришел, Писистра́т благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.

417-420 Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой геренейский:
«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афину,
Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.

421-426 В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
Третьим пусть будет немедленно златоискусник Ла́эркос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.

427-429 Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».

430-438 Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный для ковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи́ драгоценной отделки и всё, чем обычно
Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.

439-443 Взяли телицу тогда за рога Стратио́н и Exе́фрон;
Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аре́тос, в другой же руке он с ячме́нем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовяся жертву;

444-446 Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;

447-452 Следом за ним и другие с молитвой телицу ячме́нем
Так же осыпали. Несторов сын Фрасиме́д многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,
Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Климе́нова старшая дочь Евридика.

453-459 Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли — разом зарезал ее Писистра́т благородный.
После, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедра и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; всё вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;

460-463 Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.

464-468 Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;

469-476 Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:
«Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
До́лжно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться».

477-480 То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.

481-485 Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчалися быстрые кони
Полем, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.

486-489 Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;

490-494 Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

495-497 Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ IV

✦

1-4 В царственный град Лакеде́мон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя в царском жилище.

5-7 К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;

8-14 Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
В град мирмидо́нский, где царствовал светлый жених, снарядил он.
В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней
В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилася
Дочь Гермиона, подобная дивной красой Афродите.

15-19 Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.

20-23 Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
Вышли; им встретился прежде других Этео́н многочтимый,

Спальник проворный царя Менелая, великого славой.

24-27 С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.

28-32 Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»
С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
«Ты, Этео́н, сын Воэ́фов, еще никогда малоумен
Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;

33-36 Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир наш обоих».

37-39 Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное по́том, сложили;

40-42 К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячме́нем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.

43-46 Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, как на́ небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.

47-51 Очи свои наконец удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.

52-58 Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.

59-61 Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
«Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?

62-64 В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся».

65-68 Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложе́нной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.

69-72 Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие
Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
«Несторов сын, мой возлюбленный друг, Писистрат благородный,

Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покоях;

73-75 Блещет все златом, сребром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я».

76-79 Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
«Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;

80-82 Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.

83-86 Видел я Кипр, посетил финики́ян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидо́нян, эрембов;
В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;

87-89 В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.

90-92 Той же порой, как в далеких земля́х я, сбирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.

93-96 С те́х пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам
Всё рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье

Дома, толь светлого прежде, толь славного многим богатством!

97-99 Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далекó от Аргóса, питателя кóней.

100-103 Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.

104-112 Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахéян столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталося часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленьи из дома».

113-116 Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
Имени; в обе схвативши пурпурную мантию рýки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;

117-119 Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?

120-122 Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.

123-127 Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.

128-136 Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.

137-139 Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
«Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?

140-146 Я же скажу — справедливо ли, нет ли, не знаю, — но сердце
Ну́дит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея

Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Му́жи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».

147-154 Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпе́нных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию ру́ки, он ею закрылся».

155-157 Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;

158-160 Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.

161-167 Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакеде́мон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротству́ет, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далёко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься».

168-170 Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
«Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.

171-173 Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахеян
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронúон;

174-177 Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;
Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;

178-180 Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.

181-183 Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат вожделенный».
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;

184-188 Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;
Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и младой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.

189-192 Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
«Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.

193-196 Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапе́зою — скоро подымется Эос,
В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;

197-202 Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных арги́вян
Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах».

203-205 Царь Менелай златовласый ответствовал так Писистрату:
«Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
Муж и годами старейший тебя говорить так способен.

206-208 Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;

209-211 Так постоянно и Нестору он золотые свивает
Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.

212-215 Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умытия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Теламахом
Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».

216-218 Так он сказал, и умыться им подал воды Асфали́он,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложе́нной им лакомой пище.

219-226 Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.

227-230 Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полида́мна, супруга Фоо́на,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;

231-237 Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
«Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, всё Дию возможно.

238-243 Радуйтесь ныне, сидя́ за трапе́зой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
Вам расскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя мне, —

Как Одиссей, непреклонный в беда́х, подвизался, и что́ он,
Дерзко-решительный муж, наконец предприял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.

244-246 Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;

247-251 Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахе́ян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
Были они; я одна догадалася, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я — он хитро от них уклонился;

252-256 Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Всё мне о замысле хитром ахе́ян тогда рассказал он.

257-264 Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе всё он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою».

265-270 Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.

271-273 Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил.
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;

274-276 К нам ты тогда подошла — по внушению злому, конечно,
Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам, —
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;

277-279 Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно арги́вян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.

280-283 Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе извнутри отозваться;

284-288 Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антикле́с на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;

289-292 С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».
Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;

293-295 Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены».

296-299 Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сéнях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпу́рные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.

300-303 Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сéнях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.

304-306 Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;

307-310 Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.

311-313 Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
«Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакеде́мон прибыть, Телемах благородный?

314-317 Ну́жда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне».
Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.

318-320 Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих
Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;

321-325 Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал
Странника. Матерью был он рожден на беды́ и на го́ре.

326-331 Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».

332-334 С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
«О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!

335-339 Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травою обильным

Долам бродить, и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;

340-346 Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филоми́ледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, —
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.

347-350 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.

351-353 Всё еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.

354-357 На́ море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фа́рос;
Он от брегов на таком расстояньи, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.

358-362 Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.
Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.

363-365 Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалясь над нами, спасла нас богиня,
Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.

366-369 Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голод терзал их.

370-374 С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
«Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?»

375-378 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.

379-381 Ты же скажи мне (всё ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»

382-386 Так вопросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Всё объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издáвна морской проницательный старец,
Равный бессмертным — Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины́ и царя Посейдона державе подвластный;

387-390 Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?

391-393 Если ж захочешь, божественный скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тéх пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-пустынным».

394-397 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».

398-402 Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь ежедневно, лишь Гéлиос неба пройдет половину,
В веяньи ветра, с великим волнением темныя влаги,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;

403-406 Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлéнй хвостоногие, дети младой Алосúнды,
Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.

407-409 Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленéй; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.

410-413 Я же тебе расскажу о волшéбствах коварного старца:
Прежде всего тюленéй он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.

414-418 Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться — из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим;

419-424 Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, — вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»

425-427 Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

428-430 К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Сóбрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

431-434 Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.

435-439 Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.

440-443 В ямы уклавши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюлене́й, напитавшихся горечью влаги соленой, —
Сносно ль меж чу́дами моря живому лежать человеку?

444-446 Но Эйдофея беде помогла и страдание наше
Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.

447-449 Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени́ и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглися.

450-453 В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюлене́й он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.

454-456 Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;

457-459 После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.

460-463 Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»

464-467 Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.

468-470 Лучше скажи мне (всё ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»

471-474 Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускаяся в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.

475-479 Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.

480-483 Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят».
Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.

484-488 Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
«Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимо ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучилися, Нестор и я, возвратились в отчизну?

489-494 Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.

495-497 Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных арги́вян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженьи, то ведаешь сам ты);

498-501 Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесе́льными в бурю морскую погиб кораблями
Сын Оиле́ев, Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;

502-504 Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.

505-507 Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;

508-510 Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;

511-513 Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко брегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.

514-518 Но тогда, как в виду неприступных утесов Маллеи
Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына Эгиста.

519-521 Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агаме́мнон ступил на родительский берег.

522-527 Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издале́ка с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.

528-531 С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;

532-535 Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;

536-541 Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».
Так он сказал, и во мне растерзалося милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.

542-545 Но напоследок сказал мне морской проницательный старец:
«Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.

546-549 Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.

550-552 Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
«Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?

553-555 Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Это Лаэртов божественный сын, обладатель Итаки.

556-560 Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.

561-566 Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло́ беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;

567-569 Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса».

570-572 Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

573-575 К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Со́брал людей я; божественно-темная ночь наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

576-580 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развив паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

581-586 Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агаме́мнону брату на вечную память
Там я насыпал; и по́плыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.

587-592 Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье».

593-599 «Царь Менелай, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпеньем
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.

600-604 Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и га́лгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячме́нем.

605-608 Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для ко́ней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих».

609-614 Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
«Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;

615-619 Дам пировую крате́ру богатую; эта крате́ра
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».

620-623 Так говорили о многом они, беседуя сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).

624-627 Так всё готовилось к пиру в высоких палатах Атрида. —
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.

628-633 Но Антиной с Еврима́хом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
Фро́ниев сын Ноемо́н, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
«Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?

634-636 Взят у меня им корабль — самому мне он надобен ныне:
Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работящих;

637-640 Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.

641-643 Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
«Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?

644-647 Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»

648-651 Фро́ниев сын Ноемо́н, отвечая, сказал Антиною:
«Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж — ни один бы ему отказать не помыслил.

652-656 Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
Ибо я был изумлен несказанно — божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он с другими».

657-659 Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.

660-666 К ним обратяся, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, — и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:
Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.

667-672 Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось».

673-676 Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссеев.
Но Пенелопа недолго в незнаньи осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;

677-679 Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.

680-683 Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?

684-693 О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губя́щие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам ле́тах от ваших разумных отцов не случалось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.

694-697 Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
Ви́дны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
«О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!

698-702 Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой — да успеха не даст им Зевес громовержец!
Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,

Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Пóплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакедéмон».

703-705 Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.

706-709 С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?

710-714 Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».

715-720 Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданьем к ней собралися рабыни,
Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.

721-723 Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;

724-726 Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.

727-731 Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.

732-734 О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.

735-741 Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедля
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына».

742-744 Тут Евриклея, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.

745-748 Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.

749-752 Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойди и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;

753-757 Ею, конечно, он будет спасен от грозящия смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».

758-760 Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.

761-766 Чашу наполнив ячме́нем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».

767-771 Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
«Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».

772-775 Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
«Буйные люди, советую вам от таких неразумных
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их не вздумал.

776-779 Лучше, отсель удаляся в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили».
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.

780-786 Сдвинув с песчаного брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собралися, все вместе,
Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.

787-790 Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?

791-794 Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.

795-798 Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Ика́рия, светлой Ифти́мы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Евме́л, сочетался.

799-801 В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы́ он
Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.

802-804 В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?

805-807 Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».

808-811 Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
«Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.

812-816 Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;

817-819 Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не видавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;

820-823 Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На́ море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».

824-829 Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя — для нее все возможно, —
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня».

830-832 Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.

833-836 Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;

837-841 Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно».
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провеяв
Воздухом легким, пропал. Пробудяся от сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.

842-847 Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров

Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ V

✦

1-4 Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На́ небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.

5-12 Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, —
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;

13-17 Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.

18-20 Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град Лакеде́мон».

21-25 Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;

26-32 Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, прибудут в Итаку».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в беда́х постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;

33-40 Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.

41-43 Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.

44-48 К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.

49-53 В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргу́са.
Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.

54-58 Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самоё там увидел.

59-62 Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя́ с челноком золотым за узорною тканью.

63-67 Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополи, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
В лиственных сенях гнездилися там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;

68-71 Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;

72-74 Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог — изумился б и радость в его бы проникнула сердце.

75-80 Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргу́са;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).

81-84 Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.

85-90 Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, носитель жезла́ золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.

91-93 Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье».
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией не́ктар ему подала пурпуровый.

94-98 Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргу́са.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он ответствовал нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.

99-102 Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, —
Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?

103-107 Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;

108-111 Но при отплытии дерзко они раздражили Афину:
Бури послала на них и великие волны богиня.
Он же, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.

112-115 Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».

116-118 Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!

119-121 Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;

122-124 Гнали его вы, живущие легкою жизнию боги,
Гнали до тех пор, пока златотронныя он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.

125-128 Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На́ поле, три раза вспа́ханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.

129-134 Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волна́х он
Гибнул — корабль же его быстроходный был пламенным громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, сопутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.

135-138 Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;

139-142 Пусть он — когда уж того так упорно желает Кронион —
Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.

143-147 Дать лишь совет осторожный властна́ я, дабы́ он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».
Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Арґу́са:
«Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты,
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказанье».

148-150 Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.

151-155 Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.

156-158 Дни же свои проводил он, сидя́ на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.

159-161 Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
«Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.

162-164 Брёвен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусьях, чтоб по́ морю темному плыть безопаснее было.

165-170 Хлебом, водой и вином пурпуро́вым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, —
Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».

171-173 Так говорила она. Одиссей, постоянный в беда́х, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;

174-176 Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?

177-179 Нет! против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».

180-182 Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;

183-189 Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,
Стикса подземной водою клянусь, ненару́шимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,

В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненьи великом;

190-193 Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.

194-199 С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,
Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапе́зой; рабыни
Ей благовонной амброзии подали с не́ктаром сладким.

200-208 Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов наконец предприняв возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! Но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.

209-213 Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным

Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?»

214-218 Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
«Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней, ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;

219-227 Всё я, однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить;
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию». Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.

228-232 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
Светло-серебряной ризой из тонковоздушныя ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.

233-236 Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;

237-240 Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
То́полей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.

241-243 Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;

244-246 Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с бурава́м возвратилась.

247-251 Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными бо́лтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.

252-257 Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы́ управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.

258-262 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревки),

Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море,
День совершился четвертый, когда он окончил работу.

263-267 В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.

268-275 Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напряг Одиссей и, попутному ветру
Вверившись, по́плыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.

276-278 С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он в море;

279-281 Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
Горы тенистой земли феаки́ян, уже недалекой:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.

282-284 В это мгновенье земли колебатель могучий, покинув
Край эфио́пян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;

285-287 Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неу́жели боги, пока я в земле эфио́пян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?

288-290 Чуть не достиг он земли феаки́ян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».

291-294 Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду приклика́в
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.

295-297 Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Боре́й взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.

298-302 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! что претерпеть наконец мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.

303-305 Страшными тучами вкруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
Ветры противные скли́кав. Погибель моя наступила.

306-310 О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил

В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над безды́ханным телом Пелида;

311-314 С честью б я был погребен, и была б от ахеян мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;

315-317 Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;

318-321 В море далёко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.

322-326 Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудре́й изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался́, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;

327-332 Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.

333-335 Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
После богиня, бессмертия честь восприявшая в море.

336-340 Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердосколоченный плот и сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
В сердце разгневан своем и с тобой так упорно враждует?

341-345 Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положися теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ве́тров и, бросившись в волны, руками работая смело,
Вплавь до земли феаки́ян достигни: там встретишь спасенье.

346-350 Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
Брось от земли далеко и, глаза отвратив, удалися».

351-353 Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.

354-357 Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?

358-361 Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;

362-364 С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства».

365-371 Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.

372-378 Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготовясь, потом он отважно
Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;

379-381 Будет с тебя! не останешься, думаю, мной недоволен».
Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.

382-387 Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ве́трам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феаки́ян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.

388-393 Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на́ море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.

394-398 Сколь несказанного радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, —
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.

399-401 По́плыл быстрей он, ступить торопяся на твердую землю.
Но, от нее на таком расстояньи, в каком человечий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скала́ми услышал;

402-405 Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был о́блит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
Вкруг берега́ подымались; торчали утесы и рифы.

406-409 В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! на что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?

410-412 К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаяся, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;

413-422 Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубча́тые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:

423-425 Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берег;

426-431 Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему прицепившись,

Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.

432-437 Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество кру́пинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.

438-440 Вынырнув вбок из волны, устремившейся прянуть на камни,
По́плыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.

441-443 Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было ка́мней, там всюду от ве́тров являлась защита.

444-446 К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
«Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.

447-450 Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
Бед претерпевшему; сжалься, могучий, подай мне защиту».

451-454 Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на́ море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли

Руки могучие: в море его изнурилося сердце;

455-457 Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.

458-460 Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С гру́ди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.

461-463 Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.

464-469 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишенного сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.

470-473 Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».

474-479 Так размышлял он; ему наконец показалось удобней
Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалёко
Росший на хо́лме открытом. Он там две сплетенные крепко

Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;

480-485 Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.

486-493 Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листами зарывшися, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежи́ла ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VI

✦

1-6 Так постоянный в беда́х Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феаки́ян,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,
В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;

7-10 Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышлённых.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.

11-13 Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида;
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиноя вступила богиня Афина Паллада;

14-17 Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезного Зевсу царя, Навсикая.

18-23 Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,

Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ приявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.

24-28 В виде таком подошед к Навсикае, богиня сказала:
«Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.

29-33 Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
Мать и отец веселятся, любуяся нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на́ реку мыть соберитеся все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девой;

34-40 Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
Путь к водоемам от стен городских утомительно долог».

41-45 Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подъемлет метелей зима, где безоблачный воздух
Лёгкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;

46-55 Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденьи
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.

56-59 С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на́ реку мыть их.

60-62 До́лжно, чтоб ты, заседая в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;

63-65 Два уж женаты, другие три юноши в ле́тах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».

66-68 Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;

69-73 Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.

74-80 Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна
Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.

81-84 Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.

85-87 К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.

88-92 К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.

93-95 Начали платья они полоскать и потом, дочиста́ их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
На́ берег плоский морскою волною, их все разостлали.

96-98 Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.

99-101 Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.

102-104 Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;

105-108 С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.

109-111 Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.

112-116 Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прянул;

117-121 Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! к какому народу зашел я? Быть может, здесь область
Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?

122-124 Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;

125-129 Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; до́лжно мне всё самому испытать и разведать».
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листами
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.

130-134 Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.

135-137 Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;

138-140 В трепете все разбежалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.

141-144 Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявыя девы?
Или, в почтительном став отдаленьи, молить умиленным
Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?

145-147 Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленьи
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).

148-152 С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна́ быть лица красотою и станом высоким;

153-157 Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.

158-161 Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный, который
В дом свой тебя уведет, одаренную ве́ном богатым.
Нет! ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем.

162-165 В Де́лосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, —
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).

166-169 Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивяся тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.

170-173 Только вчера, на двадцатый мне день удалося избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Огигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;

174-179 Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть ло́скут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.

180-185 О! да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».

186-189 Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дий же и низким, и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;

190-193 Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.

194-197 Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакúян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».

198-200 Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежалися вы, устрашась иноземца?
Он человек незломышленный; нет вам причины страшиться;

201-205 Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакúян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.

206-208 Ныне же встретился нам злополучный бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

209-211 Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.

212-214 В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.

215-220 После, принесши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте пóдаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.

221-226 Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;

227-231 Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.

232-234 Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;

235-237 Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.

238-241 Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феаки́ян божественных прибыл;

242-245 Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О! когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!

246-248 Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
Так говорила царевна. Ее повинуяся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.

249-255 С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
Твердый в беда́х Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
«Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;

256-262 Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;

263-265 Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;

266-269 Там же и площадь торговая вкруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданьях хранятся; там гладкие также готовятся весла.

270-272 Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.

273-277 Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может
Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
«С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий, прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?

278-281 Что он? Морскою ли бурею, к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?

282-284 Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не нашелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных».

285-288 Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласья их стала,

В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.

289-298 Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
Скорую даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тóполей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом в таком расстояньи от града, в каком человечий
Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем; когда же
Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай встречных,

299-304 Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,
Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;

305-307 Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.

308-312 Там же и кресла царевы стоят у огня и, на них он
Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.

313-315 Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».

316-320 Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царевна
Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.

321-326 Солнце садилось, когда к благовонной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшися, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;

327-331 Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VII

✦

1-5 Так Одиссей богоравный, в беда́х постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая
Взъехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;

6-11 Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Евримедуса
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,
В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.

12-17 Ею была Навсикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных гражда́н феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.

18-20 Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокую Зевса богиню Афину
В виде несущей скудель молодой феакийския девы.

21-23 Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
«Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?

24-26 Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалёка
Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».

27-29 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странник, с великой охотой палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;

30-32 Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
Ты же на встречных людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;

33-35 Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;

36-38 Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея
Быстрым шагóм; поспешно пошел Одиссей за богиней.

39-42 Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.

43-45 Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
Чудной красы, неприступным извне огражденные тыном.

46-48 Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;

49-52 В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
В сонме гостей за роскошной трапе́зой; войди, не страшася;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается.

53-60 Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит
Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навсифо́й Посейдоном земли колебателем при́жит
Был с Перибе́ей, всех дев затмевавшей своей красотою,
Младшею дочерью мужа могучего Евримедо́нта,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.

61-63 Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навсифоя; и первым царем феаки́ян
Был Навсифой; от него родились Рексено́р с Алкиноем;

64-68 Но Рексенор, сыновей не имев, сребролуким застрелен
Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Аре́ту; и, с ней Алкиной сочетавшись,

Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любя́щая долг, почитаема мужем;

69-72 Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.

73-77 Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.
Если моленья твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».

78-83 Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Ерехте́я вошла. Одиссей же
Тою порой подошел ко дворцу Алкиноя; он сильно
Сердцем тревожился, сто́я в дверях перед медным порогом.

84-87 Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиноя;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;

88-90 Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из сребра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.

91-94 Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиноя:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.

95-97 Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога
Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканные до́ма искусной рукою прилежных работниц;

98-102 Му́жи знатнейшие града садилися чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапе́зой.
Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.

103-107 Жило в пространном дворце пятьдесят рукодельных невольниц:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити учи́ли другие и ткали, сидя́ за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.

108-111 Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.

112-116 Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,

Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и ма́слин, роскошноцветущих;

117-119 Круглый там год, и в холодную зиму, и в знойное лето,
Видимы были на ве́твях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;

120-126 Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуро́вый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частию ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
Были давимы в чана́х; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарно-густым наливались.

127-131 Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощь и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
Сад, а другой перед самым порогом царёва жилища
Светлой струею бежал, и гражда́не в нем черпали воду.

132-135 Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
Долго, дивяся, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.

136-138 Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье
(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).

139-143 Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновенье
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.

144-150 Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
Все в изумленьи смотрели. Царице Арете сказал он:
«Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.

151-153 Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.

154-160 Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
Но наконец Ехенéй, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакúян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были, и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
«Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.

161-165 Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого

Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.

166-171 Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней».
Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.

172-177 Тут для умытия рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.

178-181 Тут Понтоно́ю глашатаю бросил крылатое слово
Царь феакиян: «Наполни крате́ры вином и подай с ним
Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье».

182-184 Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все крате́ры,
В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье
Сто́я они совершили и вдоволь питьем насладились.

185-187 Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы́ я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

188-194 Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь;
Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,
Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным
Вместе свершить гекатомбу. Потом учредим отправленье
Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой
Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл
В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далёко;

195-198 Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил
Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет,
Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки
В нить бытия роковую вплели для него при рожденьи.

199-202 Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный;
Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы,
Их призывая, богатые им гекатомбы приносим;

203-206 С нами они пировать без чинов за трапе́зу садятся;
Даже когда кто из них и один на пути с феакийским
Странником встретится — он не скрывается; боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов».

207-212 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом
Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам
В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых,
Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен.

213-215 Боле других бы я мог рассказать о великих напастях,
Мной претерпе́нных с трудом непомерным по воле бессмертных;
Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь;

216-221 Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами
Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит
Нас, и печальных, и преданных скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно
Требует пищи себе и меня забывать принуждает
Все претерпе́нное мной, о себе лишь упорно заботясь.

222-225 Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть».

226-229 Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.

230-232 Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.

233-238 Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотка́нные ею самою
Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши, царица

Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?

239-247 Нам ты сказал, что сюда был морской непогодою брошен».
Светлой царице ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов, — об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.

248-250 Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.

251-257 Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость.

258-260 Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.

261-263 Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?

264-266 Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши
Хлебом меня, и душистым вином, и нетленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.

267-276 Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился я в море;
Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над вода́ми
Ваша земля, и во мне оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посейдон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напоследок примчали

277-282 К вашему брегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избегнуть, когда б на утесистый берег
Был я волною, скала́ми его отшибаемой, кинут:
Силы напрягши, я в сторону по́плыл и скоро достигнул
Устья реки — показалось то место приютным, там острых
Не было ка́мней, там всюду от ветров являлась защита;

283-286 На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опадших

Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.

287-290 Там под защитою листьев, с печалию милого сердца,
Про́спал всю ночь я, все утро и за́ полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;

291-294 С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли, — молодежь рассудительна редко.

295-297 Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам».

298-301 Он умолкну́л. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
«Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей обратился».

302-304 Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
«Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;

305-307 Я ж отказался — мне было бы стыдно; при том же подумал
Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди».

308-310 Царь Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
«Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце не склонно; приличие ж до́лжно во всем наблюдать нам.

311-316 Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы
Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неугодно.

317-326 Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь
В землю отцов иль в иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далёко, хотя бы в Эвбею,
Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных
Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, —
Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был
Путь по глубокому морю, его без труда совершили
В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.

327-329 Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые».
Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;

330-333 Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:
«Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне
Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной

Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну».

334-338 Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой повелела царица Арета рабыням
В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуро́вый
Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же
Теплым покровом для тела косматую мантию бросить.

339-342 Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Было совсем приготовлено мягкопурпурное ложе,
Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:
«Странник, иди почивать: для тебя приготовлено ложе».

343-345 Радостно было усталому гостю призванье к покою;
Сладко-целительный сон наконец он вкусил безмятежно,
В звонко-пространных сенях на кровать прорезную возлегши.

346-347 Скоро и царь Алкиной, с ним простяся, во внутренней спальне
Лег на постель и заснул близ супруги своей благонравной.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ VIII

✦

1-3 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос —
Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.

4-8 Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
На́ площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;

9-14 Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
«Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
На́ площадь все соберитесь, дабы́ иноземца, который
В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
Бурей к нам брошенный, богу он образом светлым подобен».

15-23 Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
Все по местам. С удивленьем великим они обращали
Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы́ он

Мог приобресть от людей феакийских приязнь и вселил в них
Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
Им испытать надлежало его, отличась пред народом.

24-27 Все собралися они, и собрание сделалось полным.
Тут, обратяся к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы́ я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

28-30 Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл —
Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.

31-33 Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.

34-36 До́лжно спустить на священные воды корабль чернобокий,
В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;

37-39 Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.

40-42 Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,
Скиптродержавных владык и суде́й, я прошу в мой пространный
Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;

43-45 Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце».

46-55 Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи́ и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоно́й побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодносоленого моря собравшися, вместе
К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
Легкий корабль на открытое взморье, они собралися

56-58 Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы, и залы народом
Сделались полны — там были и юноши, были и старцы.

59-61 Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.

62-64 Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.

65-70 Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислоняся к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,

К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
Стол и вина́ приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.

71-80 Подняли руки они к предложённой им пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождях знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агаме́мнон враждой знаменитых ахе́ян:
Зна́меньем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он

81-85 Бога спросить перешел, — а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.
Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.

86-89 Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.

90-92 Снова запел Демодок, от внимавших ему феаки́ян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезяся.

93-95 Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.

96-99 Он феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судéй и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;

100-103 Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей показать, чтоб наш гость, возвратяся, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганьи, в беге проворном».

104-106 Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За́ руку взял Понтоной и из залы пиршéственной вывел;

107-112 Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На́ площадь все собралися: толпой многочисленно-шумной
Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акронéй, Окиáл с Элатрéем,
На́втий, Примнéй, Анхиáл, Эретмéй с Анабéсионеем;

113-117 С ними явились Понтéй, Прореóн и Фоон с Амфиáлом,
Сыном Поли́тия, внуком Тектóна; пристал напоследок
К ним и младой Эвриáл, Навболид, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.

118-125 К ним подошли, наконец, Лаодам, Галио́нт с богоравным
Клитонеоном — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустилися разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный — какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив
Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.

126-130 Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганьи был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.

131-137 Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.

138-141 Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает».
«Умным, — сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму, —
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.

142-149 Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов».
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратяся к царю Одиссею:
«Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, — но, верно, во всех ты искусен, —
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.

150-153 Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?

154-157 Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сижу перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться».

158-164 Но Эвриал Одиссею ответствовал с колкой насмешкой:
«Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышлённых людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходен».

165-168 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет
Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;

169-172 Тот по наружному виду внимания мало достоин —
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;

173-175 Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.

176-181 Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.

182-185 Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом».

186-189 Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил — он огромней, плотней и тяжéле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;

190-199 Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далекó через всé перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
«Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далёко, как ты, не способен
Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.

200-203 Радуясь тем, что ему хоть один благосклонный в собраньи
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я, и столь же далёко, быть может, и дале.

204-206 Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;

207-211 С каждым сразиться готов я — с одним не могу Лаодамом:
Гость я его — подыму ли на друга любя́щего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти
Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.

212-214 Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать с ним.
Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.

215-218 Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.

219-222 Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;

223-225 Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Гераклом, ни с Евритом, метким стрелком эхалийским;
Спорить они и с богами в искусстве своем не страшились;

226-228 Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он и́з лука был им застрелен.

229-233 Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелою;
Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены».

234-240 Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, ответствовал так Одиссею:
«Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась

Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой, — зато ни один, говорить здесь привыкший
С здравым рассудком, ни в чем не помыслит тебя опорочить.

241-245 Выслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапе́зой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.

246-249 Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

250-253 Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратяся
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей превосходим
В плаваньи по́ морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.

254-257 Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил».
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.

258-260 Судьи, в народе избра́нные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски угладили, поприще сделали шире.

261-263 Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подал певцу: пред собранье он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.

264-271 Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Гефеста
Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложе Гефеста Арей, как открыл, наконец, всё Гефесту
Гелиос зоркий, любовное их подстерегши свиданье.

272-277 Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.

278-284 Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Гефест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемно́с, крепкозданный
Город, всех боле других городов на земле им любимый.

285-288 Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведал, что в путь свой Гефест, многославный художник, пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.

289-292 Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время
Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За́ руку взял, и по имени на́звал ее, и сказал ей:
«Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;

293-295 Муж твой Гефест далеко́; он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийцам, наречия грубого людям».
Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Киприда.

296-298 Мало-помалу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;

299-302 Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;
Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий но́ги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.

303-310 В дом свой вступивши с печалию милого сердца, поспешно
Двери Гефест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;
Громко он начал вопить, чтоб его все услышали боги:
«Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:

Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
Здесь сочетавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;

311-314 Я ж от рождения хром — но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшися нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.

315-319 Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотоле я этой
Се́ти, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, получённых.

320-323 Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце».
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посейдон земледержец; пришел дароносец
Эрмий; пришел Аполлон, издалёка разящий стрела́ми;

324-327 Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.
В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Гефест совершить умудрился.

328-331 Глядя друг на́ друга, так меж собою они рассуждали:
«Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх одержала;
Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.

332-337 Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака».
Так говорили, друг с другом беседуя, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,
Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»

338-342 Зоркий убийца Аргу́са ответствовал так Аполлону:
«Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»

343-348 Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посейдон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
К славному дивным искусством Гефесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
«Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все дополна́ при бессмертных богах он заплатит».

349-351 Бог хромоногий Гефест, отвечая, сказал Посейдону:
«Нет! от меня, Посейдон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.

352-358 Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате прину́дить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?»
Богу Гефесту ответствовал так Посейдон земледержец:
«Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,

Скроется тайно, то всё за него заплатить обязуюсь
Я». Хромоногий Гефест отвечал Посейдону владыке:
«Воли твоей, Посейдон, не дерзну и не властен отвергнуть».

359-361 С сими словами разрушила цепи Гефестова сила.
Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи —
Быстро вскочив, улетели. Во Фракию он удалился;

362-366 Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафóсском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.

367-369 Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы.

370-376 Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым
Бросил один; а другой разбежался и, прянув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.

377-380 Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
Стóя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.

381-383 Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;

384-387 Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся».
Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судéй и владык феакийских;

388-393 Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.

394-397 Всё повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапéзою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом».

398-402 Так он сказал, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
Но Эвриал, повинуясь, ответствовал так Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.

403-405 Медный свой меч с рукоятью серебряной в новых
Чудной работы ножнáх из слоновыя кости охотно
Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит».

406-409 Так говоря, среброкованый меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
«Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;

410-413 Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратяся по долгопечальной разлуке с семьею».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.

414-416 В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
Меч подарил свой, повинным меня удовольствовав словом».
Так отвечав, среброкованый меч на плечо он повесил.

417-420 Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери их, многоумной царице Арете.

421-429 Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратяся к царице Арете, сказал благородный
Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапе́зой и пенью внимая.

430-432 Я же ещё драгоценный кувшин золотой на прощанье
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлиянье Зевсу и прочим бессмертным».

433-435 Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом троеножным.
Тотчас котел троеножный на ярком огне был поставлен.

436-441 На́лили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
Золото, ризы и всё, что ему феакийские му́жи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.

442-445 Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
«Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, покуда
Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком».

446-448 То Одиссей богоравный, в беда́х постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научён хитроумной Цирцеею) сделал.

449-458 Тут пригласила его домовитая ключница в баню
Члены свои оживить омовеньем; и теплой купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,

Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.

459-462 Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странник! но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».

463-468 Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
«О Навсикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».

469-473 Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.

474-478 Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратись к Понтоною:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.

479-481 Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».

482-487 Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратись к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;

488-490 Музою, дочерью Дия, иль Фебом самим науче́нный,
Всё ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды́ претерпели;

491-495 Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Всё очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданьи,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.

496-498 Если об этом по истине всё нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили».

499-504 Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару

Брошенный стан свой, как первые му́жи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкну́тые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне.

505-513 В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские; было меж ними троякое мненье:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Илиона мирительной жертвой
Вечным богам: на последнее всé согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избра́нные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.

514-520 После воспел он, как му́жи ахейские в град ворвалися,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозным в бою Менелаем
Там истребительный бой (продолжал песнопевец) возжегши,
Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.

521-525 Так об ахеянах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Падшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
Силясь от дня рокового спасти сограждáн и семейство.

526-529 Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет, враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;

530-534 Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они не замечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.

535-537 Он феакиянам веслолюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судéй и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;

538-541 Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
Нашем пиру, непрестанно глубóко и тяжко вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.

542-545 Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равнó веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово
Всё; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.

546-549 Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.

550-554 Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоем и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;

555-558 Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;

559-563 Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
Сами находят они и жилища людей, и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.

564-566 Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя
Слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.

567-571 Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Посейдон земледержец
Иль не исполнит — пусть будет по воле великого бога!

572-575 Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человеков ты земли
Видел? Светло́населенные их города опиши нам:

Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?

576-578 Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?

579-583 Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?

584-586 Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ IX

✦

1-4 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

5-10 Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратéр животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опенённых разносит.

11-14 Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?

15-18 Много Ура́ниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.

19-26 Я Одиссей, сын Лаэртов, везде изобрéтеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нéрион, всюду
Видимый с моря, подъемлет вершину лесистую; много

Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);

27-30 Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;

31-33 Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своем, убеждая, чтоб был ей супругом, —
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала се́рдца;

34-36 Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко́ от родителей милых.

37-40 Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.

41-44 Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;

45-50 Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих

Со́брали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобыкших сражаться с коней и не мене
Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало.

51-53 Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.

54-59 Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
Острые копья, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженья склонился,
В бег обратили киконы осиленных ими ахеян.

60-63 С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее по́плыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

64-66 Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда
Три́ раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.

67-69 Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.

70-72 Мчались суда, погружаяся в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;

73-75 Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.

76-78 Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинуясь кормилу и ветру.

79-81 Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.

82-84 Девять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водáм; на десятый к земле лотофагов,
Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.

85-90 Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людям, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.

91-97 Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос сбирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.

98-102 Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям; остальным же
Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них никоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.

103-106 Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее по́плыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.

107-111 Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Всё, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кисте́й винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем опложда́ет.

112-115 Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.

116-121 Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далёко, ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким с псами бродящий;

122-125 Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;

126-129 Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны́ посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.

130-133 Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;

134-137 Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;

138-141 Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымется ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению то́полей черных.

142-145 В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
С неба высокого; тучи его покрывали густые;

146-148 Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широ́ко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулися брега.

149-151 Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.

152-155 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;

156-165 Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на́ три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.

166-168 С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блея́нье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.

169-172 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;

173-176 Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий веры и правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»

177-180 Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

181-186 К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных ка́мней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые ду́бы и сосны.

187-189 Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;

190-192 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.

193-202 Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев
Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас
В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
Сан уважая жреца — пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей добро́ты он дал мне семь полных талантов;

203-207 Дал сребролитную дивной работы крате́ру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным,
Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.

208-211 Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.

212-215 Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.

216-223 Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных заку́тах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты́ простоквашей густою.

224-227 Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в заку́тах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.

228-230 Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.

231-239 Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.

240-247 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четыреколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетени́цы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;

248-252 Всё ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?

253-255 Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды́ приключая народам?»

256-260 Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волна́м беспредельного моря.

261-265 В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же

Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.

266-268 Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.

269-271 Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».

272-274 Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалёка иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.

275-278 Нам, циклопам, нет ну́жды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.

279-285 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко́ ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалёко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.

286-290 Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалося».
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,

Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.

291-293 Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.

294-298 Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.

299-301 Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.

302-305 Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.

306-311 С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.

312-314 Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.

315-317 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.

318-323 Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной ма́слины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесе́льном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;

324-327 Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;

328-330 После, обжегши на у́гольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.

331-333 Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.

334-336 Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;

337-339 Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье иль демон его надоумил).

340-344 Снова пещеру задвинув скалой необъятнотяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.

345-350 Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.

351-356 Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне, — сказал он, — еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.

357-359 Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем опложда́ет;
Твой же напиток — амброзия чистая с не́ктаром сладким».

360-362 Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я по́дал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.

363-365 Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?

366-370 Я называюсь Никто; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».

371-374 Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.

375-381 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положённый на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи сме́ло с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;

382-386 Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как верти́т бурава́м корабельный строитель,

Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.

387-389 Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;

390-394 Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.

395-400 Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленьи
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.

401-404 Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Со́звал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной пре́рвал?

405-411 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы

Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избегнешь.

412-414 В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.

415-419 Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.

420-423 Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.

424-426 Вот что, по думаньи долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.

427-435 Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждых
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши

Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.

436-438 С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;

439-445 Матки ж, еще не доённые, жалко блея́ли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.

446-448 Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.

449-458 Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зрения гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют Никто; но еще он

Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,

459-461 Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.

462-470 Я ж, недалёко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Со́брал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.

471-477 Люди мои собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстоянье, в каком человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
«Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;

478-484 Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес, и другие
Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,

Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На́ голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалося море от падшей громады;

485-490 Хлынув, большая волна побежала стремительно к брегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
Близкой беды; все, нагнувшися, разом ударили в весла.

491-493 Быв на двойном расстояньи от страшного брега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.

494-496 «Дерзкий, — они говорили, — зачем ты чудовище дразнишь?
В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.

497-499 Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».

500-505 Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».

506-509 Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
«Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,
Те́лем, Евримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;

510-512 Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.

513-516 Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечишко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.

517-521 Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посейдона, чтоб путь совершил ты безбедно
По́ морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может — один он, никто из людей и никто из бессмертных».

522-525 Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
«О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
То, что тебе колебатель земли не воротит уж гла́за!»

526-535 Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке:
«Царь Посейдон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов

Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив сопутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе».

536-541 Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалося море от падшей громады;

542-545 Судно ж волною помчало вперед к недалекому брегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.

546-549 К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;

550-552 Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге
В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.

553-555 Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды́ претерпев, напоследок и всех я
Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.

556-558 Жертву принесши, мы целый там день до вечерного мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;

559-562 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собралися и все отвязали канаты.

563-566 Спутники все собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее по́плыли мы в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ X

✦

1-4 Скоро на остров Эóлию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж подымаются гладким утесом.

5-7 Там от супруги двенадцать детей родилося Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многосильных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество óтдал.

8-12 Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе
Все за трапéзой, уставленной яствами, сладко пируют
В зале они, благовонной от запаха пищи и пеньем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.

13-15 В град их прибы́вши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
Повесть о Трое, о битвах арги́вян, о их возвращеньи;

16-22 Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ве́трами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желанье.

23-27 Мех на просторном моем корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ве́тров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.

28-30 Девять мы суток и денно и нощно свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.

31-33 В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.

34-36 Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.

37-42 Глядя друг на́ друга, так рассуждали они меж собою:
«Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Со́брал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться с пустыми руками.

43-45 Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».

46-49 Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглися ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море.

50-52 Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.

53-57 Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.

58-61 Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.

62-64 В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
«Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?

65-69 Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов иль в иную какую желанную землю?»
Так говорили они; с сокрушеньем души отвечал я:
«Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно».

70-74 Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне ответствовал с гневом:
«Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.

75-77 Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен».
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, и́з дому выслал.
Далее по́плыли мы в сокрушении сердца великом.

78-86 Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишенные собственным жалким безумством.
Денно и нощно шесть суток носясь по вода́м, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестрига́нов,
Ла́мосу. Там, возвращаясь с поля, пастух вызывает
На́ поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получать, выгоняя пастися
Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночною сближается паствой.

87-90 В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны
Моря торчащими ка́мнями, вход и исход заграждая.

91-94 Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.

95-98 Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;

99-102 Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.
Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?

103-106 Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.
Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Антифат был отец ей;

107-110 Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором
Чéрпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,
Дева, кто властвует здешним народом и здешней страною?»

111-113 Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору, — они ужаснулись.

114-119 Та же велела скорей из собранья царя Антифата
Вызвать; и он, прибежав, на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратилися; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;

120-129 Много сбежалося их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекши
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть

130-132 Близкой беды: устрашенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.

133-137 Далее по́плыли мы, в сокрушеньи великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Мы напоследок достигли до острова Эи. Изда́вна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.

138-141 Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.

142-144 На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.

145-147 Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голос?

148-150 Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел
Я за широ́ко разросшимся лесом в жилище Цирцеи.

151-158 Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестя́ми. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;

159-163 Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневного солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застонав, он упал, и душа отлетела.

164-167 Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,
Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их.

168-170 Свивши веревку, связал я оленю тяжелому ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
Ношу и с нею пошел к кораблю, на копьё опираясь;

171-175 Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снесть: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: «Ободритесь, товарищи, в область Аида
Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;

176-179 Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод».
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;

180-182 Всех их олень изумил, несказанно великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.

183-185 Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на бреге,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;

186-190 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;

191-193 Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.

194-197 С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широ́корастущего, темного леса».

198-200 Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце:
В память пришли им и злой лестригон Антифат, и надменный
Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;

201-204 Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы, — напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На́ две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;

205-207 Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Жеребьи в меднокованном шлеме потом потрясли мы —
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.

208-211 В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставив нас, горем объятых.
Скоро они за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных ка́мней на месте открытом.

212-215 Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.

216-223 Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ла́стятся — им же всегда он приносит остатки обеда, —
Так остролапые львы и шершавые волки к пришельцам
Ла́стились. Их появленьем они приведенные в ужас,
К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя́ за широкой, прекрасной, божественно тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.

224-227 К спутникам тут обратяся, Политос, мужей предводитель,
Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им:
«Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.

228-232 Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей».
Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.

233-240 Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским
Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла́ загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.

241-245 Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любя́щие рылом
Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою
С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.

246-253 Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленьи великом расспрашивать стали,
Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
«Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.

254-258 В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши погибель;

259-268 Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши».
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:

«Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,

269-272 Бегством спасаться, иль все мы ужасного дня не минуем».
Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
«Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;

273-282 Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне до́лжно».
С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
Той же порой, как, в святую долину спустяся, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с жезло́м золотым пред глазами моими, нежданный,
Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
«Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;

283-285 Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла́ свой.
Их ты избавить спешишь; но и сам, опасаюсь, оттуда
Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.

286-288 Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелья тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.

289-298 Я же тебе расскажу о волше́бствах коварной богини:
Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным жезло́м чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедля,
Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богинею принят.

299-301 Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
И́наче мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».

302-304 С сими словами растенье мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;

305-307 Мо́ли его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растенье, на светлый Олимп удалился.

308-313 Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедля
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.

314-320 Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелья в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведан, свершила
Чару она, дав удар мне жезло́м и сказав мне такое
Слово: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».

321-325 Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
«Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?

326-328 Я в изумленьи; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.

329-332 Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла́ золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трои.

333-335 Вдвинь же в ножны́ медноострый свой меч и со мною
Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем».

336-341 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты сопутников? Мне же,

Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь
Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне, —
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.

342-344 Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь».

345-347 Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.

348-351 Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;
Все они дочери были прекрасные рощ, и ключей, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.

352-355 Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный чудной работы
Стол пододвинула с хлебом в златых драгоценных корзинах.

356-365 Третья смешала в кратéре серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки златые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой

Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье
Тела. Когда ж и омыт я, и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой

366-373 В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым
Креслам меня проводила, — была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.

374-379 Думой объятый, сидел я с недобрым предчувствием в сердце.
Видя, что думой объятый сижу и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
«Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?

380-387 Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«О Цирцея, какой же, пристойность и правду любя́щий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».

388-394 Так я сказал, и немедля с жезло́м из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
Их, превращенных в свиней девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, почередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щети́на, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;

395-399 Прежний свой вид возвратив, во мгновенье все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенней станом;
Все во мгновенье узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.

400-405 Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».

406-409 Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.
Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на бреге нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.

410-417 Как запертые́ в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напитавшихся сочной травой луговою,
Все им навстречу бегут, из заград вырывался тесных,

Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалёка,
Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.

418-420 Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
«Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.

421-425 Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?»
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
«Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.

426-428 К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете».
Было немедля мое повеленье исполнено ими.

429-436 Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
«Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.

437-444 Он, необузданный, был их погибели жалкой виною».
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длиннoострый схватить и его обнаженною медью
Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
«Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;

445-448 Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи».
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на бреге;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.

449-451 Тою порой остальные товарищи в доме Цирцеи
Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.

452-454 Я, возвратись, их нашел за роскошной трапе́зой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.

455-457 Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
«Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;

458-465 Знаю довольно я, что́ на водах многорыбного моря,
Что́ на земле от свирепых людей претерпели вы, — горе
Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым

Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в бессилии робком,
Всé помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
Вы затворяете, — были велики страдания ваши».

466-468 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тéх пор вседневно, в теченье мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.

469-474 Но когда наконец обращеньем времен совершен был
Круг годовой, миновалися месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
«Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светлобогатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».

475-477 Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.

478-486 Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.
Я ж, возвратяся к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
«О Цирцея, исполни свое обещанье — в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушеньи
Спутники все приступают ко мне и мою раздирают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».

487-489 Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.

490-493 Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняся, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского дóлжно тебе вопросить там.

494-496 Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».
Так говорила богиня; во мне растерзалося сердце;

497-499 Горько заплакал я, сидя на ложе, мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.

500-502 Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
«Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный».

503-512 Так вопросил я богиню, и так мне она отвечала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий

Лес из ракит, свой теряющих плод, и из то́полей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мглистую область.

513-515 Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.

516-525 Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тиресия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.

526-534 После (когда обещание дашь многославным умершим)
Черную о́вцу и черного с нею барана, — к Эребу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану, —
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
Прида́ут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

535-537 Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед ямой
Сев, запрещай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тиресий.

538-540 Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься».

541-545 Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.

546-549 Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
«Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду».

550-555 Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Ельпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одаренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.

556-565 Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался́ и, ударясь затылком

Оземь, сломил позвонковую кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
«Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
Душу Тиресия фивского должен сперва вопросить я».

566-568 Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.

569-574 Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему бреге,
Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела чернорунную о́вцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невиди́мая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XI

✦

1-3 К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.

4-8 Взявши барана и о́вцу с собой, на корабль совокупно
Все мы взошли сокрушенные горем, лиющие слезы.
Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;

9-11 Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.

12-18 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим вода́м Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звезда́ми обильное небо,
С неба ль, звезда́ми обильного, сходит, к земле обращаясь;

19-22 Ночь безотрадная там исконя́ окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и о́вцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.

23-32 Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой и, мукою ячменною всё пересыпав,
Дал обещанье безжизненно-веющим тéням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо

33-35 Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и óвцу над ямой глубокой зарезал;

36-41 Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.

42-47 Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.

48-50 Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.

51-54 Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.

55-57 Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
«Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!

58-61 Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублён я и силой вина несказанной;

62-71 Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих ле́тах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,
Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) — о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был

72-75 Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;

76-78 В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на хóлме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».

79-83 Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:
«Всё, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет».
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.

84-87 Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном, — ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;

88-90 Но и ее, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;

91-94 Был он с жезлóм золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?

95-100 Но отслонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившися, мог я по правде пророчить».
Так он сказал; отслоняся от ямы, я меч среброгвоздный
Вдвинул в ножны́; а Тиресий, напившися черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророча:
«Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.

101-103 Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослеплением милого сына.

104-107 Но, и ему вопреки, и беды́ повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;

108-111 Тучных быков и волнистых баранов пасет там изда́вна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелио́са;

112-121 Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,

Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
В нем умертвишь иль обманом, иль явною силой — покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься

122-131 Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям, — от меня же узнай несомнительный признак:
Если доро́гой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,

132-137 В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною».

138-144 Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:
«Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завесть разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?»

145-151 Так я его вопросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови не пустишь»,
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.

152-161 Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Ада? Здесь всё ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
Прямо ль от Трои с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибыл сюда? Неужели

162-164 Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;

165-169 Душу Тиресия фивского мне вопросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном по́плыл
В град Илион, изобильный конями, на гибель троянам.

170-173 Ты ж мне скажи откровенно, какою из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана́ ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемида богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?

174-176 Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погибшим?

177-179 Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»

180-183 Так я ее вопросил; Антиклея мне так отвечала:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;

184-186 Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
До́ма своим Телемах достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким прилично;

187-189 Всé и его угощают роскошно. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далёко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;

190-194 Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложе из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.

195-197 Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Всё о тебе помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.

198-205 Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоем миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь». И умолкла она. Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;

206-208 Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.

209-212 Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
«Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?

213-217 Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугу́бить великое горе?»
Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.

218-222 Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Всё, лишь горячая жизнь охладелые кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.

223-227 Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб всё повторить при свиданьи супруге».
Так, собеседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;

228-232 Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их вопросить почередно
Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не дозволил я всею толпою;

233-239 Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и расспрашивать каждую мог я.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; всё о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;

240-242 Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;

243-250 Во́ды пурпурные встали горой и, слиявшись прохладнопрозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
Девственный пояс ее развязал он, ей очи смежи́вши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
За́ руку взял, и по имени на́звал ее, и сказал ей:
«Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.

251-253 Но, возвратяся к домашним, мое называть им страшися
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посейдон земледержец».
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.

254-259 В срок от нее близнецы Пелиа́с и Нелей родилися;
Слуги могучие Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолко́се
Тучнополянистом жил Пелиа́с; а Нелей жил в песчаном
Пи́лосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эсон, и Ферет, и могучий ездок Амифа́он.

260-265 После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфио́н и Зефо́с; положили
Первое Фив семивратных они основанье и много
Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.

266-268 Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
Сына Геракла, столь славного силой и мужеством львиным,
Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.

269-271 После явилась Мегара; Креон, необузданно смелый,
Был ей отцом; а супругом Геракл, в испытаниях твердый.
Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;

272-274 Страшно-преступное дело в незнанье она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшися браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.

275-280 Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эриний.

281-286 После явилась Хлорида; ее красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Деву прельстивший; был царь Амфион Иасид, Орхомена
Града минийского славный властитель, отец ей; царица
Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;

287-293 После Хлорида и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
С поля Филакии сгонит, отняв у царя Ификлеса

Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.

294-297 Но когда миновалися месяцы, дни пробежали, и го́да
Круг совершился и Оры весну привели, — Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесова сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.

298-300 Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явилась;
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
Ко́ней смиритель Кастóр и боец Полидевк многосильный.

301-304 Оба землею они жизнедарною взяты живые;
Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.

305-308 Ифимеде́ю, жену Алоея, потом я увидел;
С ней сочетался, — хвалилась она, — Посейдон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.

309-312 Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.

313-320 Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный

Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.

321-325 Федру я видел, Прокриду; явилась потом Ариадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.

326-329 Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
Там мне явилися жены и дочери древних героев;

330-332 Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами».

333-338 Так говорил Одиссей, — все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно мой гость, но будет ему угощенье от всех нас;

339-341 В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарами
Дóлжно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:
Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства».

342-346 Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиян рожденный.
«С нашим желаньем, друзья, — он сказал, — и с намереньем нашим
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Дóлжно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит».

347-353 Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
«Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиян
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отчизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель».

354-359 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мой учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.

360-366 Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращеньи в Итаку».
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
«Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной

Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.

367-372 Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?

373-376 Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж нача́тую повесть;
Слушать тебя я готов до явления светлой денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься».

377-379 Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на всё есть; свой час для беседы, свой час для покоя;

380-384 Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних сопутников; также
Кто из арги́вян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.

385-389 После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агаме́мнона, сына Атреева, тихо и грустно

Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.

390-394 Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агаме́мнон.
Тяжко, глубо́ко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.

395-403 Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло мне душу;
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волна́х ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»

404-408 Так вопросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Нет, не в волнах с кораблями я был погублён Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве.

409-411 Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моей заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;

412-415 Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном дому гостелюбца, скопившего много богатства,
Режут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.

416-420 Часто без страха видал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, иной в многолюдстве сраженья, —
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратéр пировых, меж столами, покрытыми брашном,
Всé на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.

421-426 Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежá на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.

427-434 Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».

435-438 Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игралищем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;

439-441 Так и тебе издалёка устроила смерть Клитемнестра».
Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агаме́мнон:
«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;

442-444 Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не до́лжно;
Вверь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасна погибель;

445-453 Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икария дочь благонравная; в самых цветущих
Ле́тах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновенье зарезан.

454-456 Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.

457-460 Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пи́лосе? В Спарте ль

Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?

461-463 Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный».
Так вопросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Царь Агамемнон, о сыне твоем ничего я не знаю;

464-466 Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно».
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лилися по нашим ланитам.

467-470 Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
После Пелеева сына великого всех превзошедший.

471-473 Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?

474-476 Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?»

477-480 Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я затем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне
Способ вернейший моей каменистой Итаки достигнуть;

481-484 В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем

Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;

485-488 Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;

489-491 Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

492-494 Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженье мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?

495-497 Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?

498-500 В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
Трое губил ополченья и грудью стоял за ахеян.

501-503 Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших».

504-507 Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
«Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоем благородном, возлюбленном Неоптоле́ме
Всё, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.

508-512 Сам я его в корабле крутобоком моем от Скиро́са
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;
Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных сужденьях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.

513-515 В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;

516-518 Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за арги́вян.

519-521 Так Еврипи́ла, Телефова сына, губительной медью
Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.

522-525 После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Эпе́осом, скрыться
Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.

526-535 Все́, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался

В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
Град, он с богатой добычей, с дарами почетными по́плыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длиннoострой

536-540 Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.

541-550 Ду́ши других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Мо́лча стояла вдали, одинокая, всё на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане арги́вян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славой

551-560 После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:
«Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все́, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,

Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, постигшего рать копьеносных данаев
Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.

561-564 Но подойди же, Аякс; на мгновенье беседой с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца».
Так я сказал; не ответствовал он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.

565-568 Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль я с ним,
Если б меня не стремило желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;

569-571 Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида.

572-575 После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он —
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.

576-581 Тития также увидел я, сына прославленной Геи;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.

582-584 Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

585-587 Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.

588-590 Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и ма́слин, роскошно цветущих.

591-593 Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымалися темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью;

594-598 Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.

599-604 Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебе́и, цветущей
Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры.

605-612 Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобяся ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вдруг озирался, как будто готовяся выстрелить; страшный
Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным искусством
Львы грознооки, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;

613-615 Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превзошедши себя, ничего уж создать совершенней.
Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;

616-619 Жалобно, тяжко вздохнул и крылатое бросил мне слово:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?

620-624 Сын я Крониона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уповал он, что будет мне труд не по силам.

625-627 Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина».
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.

628-635 Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пирифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.

636-638 Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,
Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Всé на корабль собралися и сели на лавках у весел.

639-640 Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XII

✦

1-4 Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденныя Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;

5-7 К брегу пристав, на песок мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданьи восхода на небо Денницы.

8-10 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников скликав, послал я их к дому Цирцеи, чтоб взять там
Труп Ельпеноров, его принести и свершить погребенье.

11-17 Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того, как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
Гладкое в землю на хóлме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Аида.

18-27 Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближась, сказала:
«Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,

Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра
Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленье, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на́ море темном».

28-30 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принесши, мы целый там день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.

31-35 Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я
Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.

36-38 Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.

39-46 Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанью, к тем двум чародейкам приблизясь, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетных
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.

47-52 Ты ж, заклеи́вши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем.

53-58 Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.

59-64 Прежде увидишь стоящие в море утесы; круго́м их
Шумно волнуется зыбь Амфитри́ты лазо́ревоокой;
Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;

65-68 Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скала́м подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.

69-72 Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Эета, прославленный А́рго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он

Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясóна.

73-75 После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают
Темносгущенные ту высоту, никогда не редея.

76-81 Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
Ног бы имел, — столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлóм обращенная к мраку Эреба на запад;

82-84 Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелою до входа высокой пещеры;

85-92 Страшная Скилла живет исконú там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным. Двенадцать
Движется спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;

93-97 Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,

Ловит дельфинов она, тюленéй и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.

98-100 Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
Разом она по шести человек с корабля похищает.

101-103 Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.

104-107 Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посейдон от погибели верной тогда не избавит.

108-114 К Скиллиной ближе держася скале, проведи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
«Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?»

115-117 Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
«О! необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.

118-120 Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение — бегство.

121-126 Горе! когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас нападения может.

127-132 Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издáвна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэту́са с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.

133-136 Ге́лиос их Гипери́он с божественной прижил Нее́рой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.

137-141 Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелио́са;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избегнешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну».

142-145 Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На́ небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратись, повелел, чтоб немедля
Спутники все́ на него собрались и канат отвязали;

146-150 Всé на него собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.

151-157 Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
Я ж, обратяся к сопутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Дóлжно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.

158-164 Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, — двойными скрутите мне узами руки и ноги».

165-169 Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На́ море: демон угладил пучины зыбучее лоно.

170-172 Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.

173-176 Я же, немедля медвяного воску укру́г изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.

177-179 Уши товарищам воском тогда заклеи́л я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.

180-182 Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстояньи, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.

183-187 С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
«К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;

188-190 Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы всё, что случилось в троянской земле и какая
Участь по воле бессмертных постигла троян и ахе́ян;

191-196 Знаем мы всё, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля

Узы мои разрешили; они же удвоенной силой
Начали гресть; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.

197-200 Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеи́л, и меня отвязали от мачты.

201-205 Остров сирен потеряли мы и́з виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов устрашенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.

206-210 Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
«Спутники, в бедствиях мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.

211-213 Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно всё то, что велю вам.

214-216 Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
Нам от погибели близкой уйти невредимо поможет.

217-221 Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвесть от волненья и дыма,
Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью — ина́че корабль, несомненно, погибнет».

222-225 Так я сказал; всё исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,
Праздно б столпились внутри корабля в ожиданьи напасти.

226-231 Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья́, подошел к корабельному носу
В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.

232-234 Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;

235-244 Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Во́ды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно

Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.

Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
Имя мое прокричали с последнею скорбию сердца.

Так рыболов, с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на́ берег жалко трепещущих быстро бросает:
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.

Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзаньи.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случалось.

Скиллин утес миновав и избегнув свирепой Харибды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Гелио́сово стадо.

С моря уже, находяся на палубе, явственно мог я
Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блея́ньем баранов; и тут же пришло мне на память

Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Гелиос, смертных людей утешитель.

270-275 Тут к сокрушенным сопутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Гелиос, смертных людей утешитель:
Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.

276-280 Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
Силой, усталости нет для тебя, из железа ты скован.

281-283 Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.

284-286 Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
Мимо приютного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.

287-290 Кто избежит потопления верного, если во мраке
Вдруг с неожиданной бурей на черное море примчится
Нот иль Зефир истребительно-быстрый? От них наиболе
В бездне морской, вопреки и богам, корабли погибают.

291-293 Лучше теперь, покорившись велению темныя ночи,
На́ берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра ж с Денницею пустимся снова в пространное море».

294-297 Так говорил Еврилох, и товарищи с ним согласились.
Стало мне ясно тогда, что готовил нам бедствие демон.
Голос возвысив, безумцу я бросил крылатое слово:
«Здесь я один, оттого и ответ, Еврилох, твой так дерзок.

298-301 Слушайте ж: мне поклянитесь великою клятвой, что, если
Встретите стадо быков криворогих иль стадо баранов
Там, на зеленых лугах, святотатной рукой не коснетесь
К ним; и убить ни быка, ни барана отнюдь не дерзнете.

302-305 Пищею нас на дорогу обильно снабдила Цирцея».
Спутники клятвой великою мне поклялися; когда же
Все поклялися и клятву свою совершили, в заливе
Острова тихом мы стали с своим кораблем крепкозданным.

306-310 Близко была ключевая вода; все товарищи, вышед
На́ берег, вкусный проворно на нем приготовили ужин;
Свой удовольствовав голод обильным питьем и едою,
Стали они поминать со слезами о милых погибших,
Схваченных вдруг с корабля и растерзанных Скиллой пред нами.

311-315 Скоро на плачущих сон, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи, и темного неба на онпол
Звезды склонилися — вдруг громовержец Крони́он Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас, облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.

316-318 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Черный корабль свой от бури мы скрыли под сводом пещеры.
Где в хороводы веселые нимфы полей собирались.

319-321 Тут я товарищей всех пригласил на совет и сказал им:
«Черный корабль наш, друзья, запасён и питьем и едою.
Бойтесь же здесь на стада подымать святотатную руку;

322-324 Бог обладает здесь всеми стадами быков и баранов,
Гелиос светлый, который всё видит, всё слышит, всё знает».
Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.

325-332 Но беспрестанно весь месяц свирепствовал Нот; всé другие
Ветры молчали; порою лишь Эвр подымался восточный.
Спутники, хлеба довольно имея с вином пурпурóвым,
Были спокойны; быков Гелиóсовых трогать и в мысли
Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промышлять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Остросогбенными крючьями у́дили — голод томил их.

333-335 Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольно,
Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;

336-338 В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Теплой к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.

339-341 Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;

342-344 Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелио́совом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.

345-347 После — когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелио́са, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;

348-351 Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять».

352-358 Так говорил Еврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они — невдали́ корабля темноносого стадо
Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, —
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячме́ня
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.

359-361 Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
Бёдра они все отсе́кли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.

362-365 Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бёдра сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
Всё изрубили на части и стали на вертелах жарить.

366-372 Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;

373-375 Спутники там без меня святотатное дело свершили».
Тою порой о убийстве быков Гипери́онов светлый
Сын извещен был Лампе́тией, длинноодеянной девой.

376-378 С гневом великим к бессмертным богам обратясь, он воскликнул:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртова сына!

379-381 Дерзко они у меня умертвили быков, на которых
Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.

382-386 Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших».
Гневному богу ответствовал так тученосец Крони́он:
«Ге́лиос, смело сияй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.

387-393 Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю».
(Это мне было открыто Калипсо божественной; ей же
Всё рассказал вестоносец крылатый Крони́онов, Эрмий.)
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников со́брал и всех одного за другим упрекал; но исправить
Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.

394-396 Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на ве́ртелах мясо и мясо,
Снятое с ве́ртелов, жалобно рев издавало бычачий.

397-400 Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелио́са и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронионом Зевсом,
Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.

401-408 Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все́ мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слиянное, зрелось,
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;

409-418 Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденьи тяжелым ударом разбила

Голову кормщику; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшися вглубь, там пропал, и из тела
Дух улетел. Тут Зевес, заблистав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Всé разом товарищи были
Сброшены в воду, и всé, как вороны морские рассеясь,

419-421 В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион.
Я ж, уцелев, меж обломков остался до тéх пор, покуда
Киля водой не отбило от ребр корабельных: он пóплыл;

422-425 Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожи воловьей ремень вкруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.

426-428 Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную ввергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.

429-431 Целую ночь был туда я несóм; а когда воссияло
Солнце — себя я узрел меж скалáми Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;

432-434 Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться — висел на руках я.

435-441 Корни смоковницы были далёко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла́, и в тоске несказанной я долго
Ждал — и уж около часа, в который судья, разрешивши
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади, — выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.

442-444 Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами, править.

445-449 Скилле ж владыка бессмертных Крони́он меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.

450-453 Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Всё и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды».

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIII

✦

1-9 Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
Молча внимали другие, и все очарованы были.
Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
«Если мой дом меднокованый ты посетил, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
Бед испытал ты. А я обращуся теперь, феакийцы,
К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.

10-15 Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды, и много
Разных подарков других от владык феакийских; пускай же
К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавит; себя ж наградим за убытки богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».

16-18 Так Алкиной говорил; и, одобрив его предложенье,
Все по домам разошлися, о ложе и сне помышляя.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.

19-22 Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.

23-25 Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
Тут собирателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,
В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.

26-30 Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
Пел Демодок, многочтимый в народе. Но голову часто
Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.

31-34 Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.

35-39 Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня. Обращаясь ко всем феакиянам вместе, такое
Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;

40-46 Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратяся в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохраненных; а вы благоденствуйте каждый с своею
Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось».

47-52 Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратяся тогда к Понтоною, сказал феакиян
Царь благородный: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром».

53-60 Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подал с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подал царице Арете двуярусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: «Царица,
Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.

61-63 Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем».
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.

64-69 С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
Путь указал к кораблю и к песчаному брегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светло-пурпурным вином и с запасом еды на дорогу.

70-78 К брегу морскому они подошли и, принявши из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.

79-88 Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Сильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол, быстрейший
Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете, —
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,

89-92 Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих видавшего браней —
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.

93-95 Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
К брегу Итаки достигнул корабль, обегающий море.

96-101 Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он возбраняет извне нагонять на спокойную пристань
Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;

102-104 В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам;

105-108 Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездяся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;

109-112 Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
Людям один лишь из них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен — не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным открыт он.

113-115 Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти половиною на берег вспрянул — так быстро
Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.

116-119 Стал неподвижно у брега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;

120-124 После, богатства собрав, от разумных людей феакийских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.

125-130 Кончив, пустилися в море они. Но земли колебатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакийцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;

131-133 Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.

134-138 Ныне ж его феакийцы в своем корабле до Итаки
Спящего, мне вопреки, довезли, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом возвратился».

139-142 Гневному богу ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное слово сказал ты, могучий земли колебатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?

143-145 Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почтит, накажи беспощадно.
Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу».

146-148 Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал громовержцу:
«Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражать не страшился;

149-152 Ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея
В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город».

153-158 Гневному богу ответствовал так громовержец Кронион:
«Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет,
Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город».

159-164 Слово такое услышав, могучий земли колебатель
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошед, колебатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул: потом удалился.

165-169 Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веселюбивые, смелые гости морей феакийцы,
Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:

«Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно».

170-174 Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «Феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылося все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посейдон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.

175-178 Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаяся морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.

179-183 Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посейдону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб на милость
Он преклонился и града горой не задвинул великой».

184-193 Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он —
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был

Прежде, покуда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;

194-196 Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.

197-202 Вставши, с великим волненьем он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.

203-206 Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;

207-212 Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.
Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были в поступках со мною и царь, и вожди феакийцев:
Ими я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В милую прямо Итаку меня и нарушили слово;

213-216 Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покрова,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,

Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном».

217-223 Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари, все драгоценно-сотканные ризы, и целым
Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;

224-228 Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
Ноги сияли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуясь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
«Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился первый;

229-232 Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
Это добро, и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать.

233-235 Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?»

236-241 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, что ты издалека пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен

Между краями земными, народам земным он известен
Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя ночи;

242-245 Правда, горист и суров он, коням неприволен, но вовсе ж
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
Много родится от частых дождей и от рос плодотворных;

246-249 Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Трои, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян».

250-252 Кончила. В грудь Одиссея веселье от слов сих проникло;
Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Афины;

253-262 Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
«Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько

263-272 Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,

273-275 Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;

276-278 Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночною порою;

279-281 В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглися на бреге песчаном;

282-286 В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный».

287-289 Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой.

290-292 Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.

293-295 Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоесмысленных, смолоду к ним приучившись;

296-302 Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертными разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?

303-305 Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибрать здесь все то, что от щедрых людей феакийских
Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;

306-310 Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец — ты сам, возвратившийся; молча
Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева».

311-313 Светлой Афине ответствовал так Одиссей богоравный:
«Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.

314-317 Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.

318-321 С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.

322-328 Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
(Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю иную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?»

329-332 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;

333-335 Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;
Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;

336-338 Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.

339-343 Я же сомнения в том никогда не имела — напротив,
Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.

344-350 Но чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами, нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
Ты приносил гекатомбы богатые чистым наядам).

351-353 Вот и гора Нерион, покровенная лесом широким».
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явилась;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;

354-360 Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
«Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти».

361-364 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.

365-369 После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней».
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртов
Все, и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;

370-373 В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.

374-381 Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Выдумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,
Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя».

382-385 Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!

386-388 Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.

389-391 Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна».

392-396 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думаю, скоро
Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.

397-401 Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узнан: наморщу блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы злато-темные кудри, покрою
Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;

402-406 В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
Главному здесь над стадами свиными смотрителю; верен
Он и тебе, и разумной твоей Пенелопе, и сыну;

407-411 Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретусы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся там желудьми и водой запивая

Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.

412-415 Тою порою я в женопрекрасный пойду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемаха оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать».

416-419 Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив».

420-424 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Много о том, Одиссей, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.

425-428 Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит».

429-435 С сими словами богиня к нему прикоснулася тростью.
Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы злато-темные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,

Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпицей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;

436-440 Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатах, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIV

✦

1-4 Тою порою из пристани вкруть по тропинке нагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.

5-10 Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отвсюду обходный; его для свиных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;

11-19 Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто — матки одни для расплода; самцы же во внешних
Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);

20-28 Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их

Выкормил. Сидя тогда перед домом, кроил он из крепкой
Кожи воловьей подошвы для ног; пастухи же другие
Были в отлучке: на пажити с стадом свиней находились
Трое, четвертый самим повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.

29-37 Вдруг вдалеке Одиссея увидели злые собаки;
С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратись к Одиссею:
«Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;

38-44 Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:
Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я, для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).

45-47 В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил».

48-54 Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматою кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одиссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
«Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял».

55-58 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

59-66 Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в беспрестанном
Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кронион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;

67-71 Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
Наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный».

72-77 Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.

78-82 После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
«Странник, — сказал, — не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать — свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказанья;

83-92 Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;
Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабить обыкшие, — многой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагрузивши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, —
Страх наказанья великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно всё грабят;

93-95 Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.

96-104 Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей — на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке — того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих
Также, и столько ж свиных, и не менее козьих (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козьих особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;

105-108 Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козою, меж лучшими выбранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свиными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен».

109-113 Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина — и его свинопас с удовольствием принял;

114-117 Гость же, к нему обратившися, бросил крылатое слово:
«Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;

118-120 Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
Очередь что про него рассказать — я давно уж скитаюсь».

121-123 Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
«Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.

124-127 Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку, уж верно
Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;

128-132 Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.

133-136 Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали — и с телом душа разлучилась,
Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;

137-141 Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.

142-147 Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их
Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне, —
Нет, об одном Одиссее далеком я плачу; ах, добрый

Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю».

148-155 Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Платье тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;

156-160 Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;

161-164 Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел».

165-170 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,

Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.

171-180 Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемах, — но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, воспитан богами
Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, —
Знать, неприязненный демон какой иль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
В Пилос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись в засаде,

181-187 Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркесия всё уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его — попадется ль им в руки
Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, — теперь ты
Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь?

188-190 Кто отец твой? Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».

191-198 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остались двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мной претерпенных с трудом несказанным по воле бессмертных.

199-201 Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;

202-204 Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;

205-213 Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Аида его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; предпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном не робок... но все миновалось;

214-218 Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, созвавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;

219-221 Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настигнуть
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;

222-224 Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;

225-228 Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья,
Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне — боги любовь к ним вложили мне в сердце:
Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.

229-231 Прежде, чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном, с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил — и была нам удача;

232-239 Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремящий Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,

С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.

240-242 Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратилися, бог разлучил нас.

243-251 Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собралися
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;

252-256 Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.

257-261 Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.

262-270 Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
Силы врага не поспел, и отвсюду нас смерть окружила;

271-273 Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.

274-283 (О, для чего избежал я судьбины и верной не встретил
Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кронион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжалясь, с ним рядом
Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился — а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем — он во гнев привести гостелюбца

284-286 Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;

287-289 Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;

290-296 Он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновалися месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;

297-300 Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли; уж Крит был за нами... Но Дий нам готовил погибель;

301-310 Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слиянное, зрелось;
Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море; и вдруг, заблистав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронион
Всех; лишь объятого горем великим меня надоумил

311-313 Вовремя он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибели верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.

314-320 Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью ко брегу феспротов высокобегущей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.

321-324 Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
Золото, медь и железную утварь чудесной работы;

325-330 Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
Как, по отсутствии долгом — открыто ли, тайно ли, — в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?

331-335 Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;

336-338 Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.

339-343 Только от брега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.

344-347 Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне — все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.

348-350 Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;

351-359 Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,
Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустилися в путь; так самими богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне».

360-362 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.

363-371 Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он.

372-377 Я же при стаде живу здесь печальным пустынником; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все — как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь имущество грабят без платы.

378-383 Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял; —
Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея, — сказал он, —
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.

384-387 Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
Я и товарищи будем с несметно-великим богатством. —
Ты же, старик, испытавший столь много, нам посланный Дием,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;

388-392 Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь —
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин,
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;

393-400 Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, как я говорю, господин твой —
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который
Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится — всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги».

401-405 Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь, и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконным убийством похитил;

406-408 С сердцем веселым Крониону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы — тогда и желанную вечерю здесь мы устроим».

409-412 Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.

413-415 Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
«Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;

416-418 Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие».
Так говоря, топором разрубал он большие полена;

419-421 Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;

422-424 Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

425-433 Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.

434-441 На семь частей предложенное все разделив, он назначил
Первую нимфам, и Эрмию, Майину сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтового частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссей хитроумный: «Да будет
Столь же, Евмей, и к тебе многомилостив вечный Кронион,
Сколь ты ко мне, сироте старику, был приветлив и ласков».

442-445 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощеньем; одно нам дарует, другого лишает
Нас своенравный в даяньях Кронион; ему все возможно».

446-452 С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Месавлий, который, в то время как в Трое
Царь Одиссей находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласья царицы, без спроса с Лаэртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.

453-456 Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
Хлеб со стола был проворным Месавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.

457-463 Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссей (он хотел, чтоб хозяин
Дал ему мантию, или свою, иль с кого из других им
Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать — вино мне язык развязало;

464-469 Сила вина несказанна: она и умнейшего громко
Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить. О,
Для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!

470-477 Были Атрид Менелай с Одиссеем вождями; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их приглашенью;
К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.

478-481 Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;

482-489 Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
Локтем его подтолкнув (во мгновенье он понял, в чем дело):
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться».

490-493 Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
Был завсегда и на умный совет, и на храброе дело.
Шепотом на ухо мне отвечал он: «Молчи, чтоб не мог нас
Кто из ахеян, товарищей наших, здесь спящих, подслушать».

494-498 Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
«Братья, — сказал, — мне приснился божественный сон; мы далеко,
Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не замедлил».

499-502 Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;
Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.

503-505 О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы
Мне — из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.

506-508 Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?»
Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;

509-511 Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;

512-517 Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
Платьем; у каждого только одно: он его до износа
С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
Мог ты, и в сердцем желанную землю ты будешь отправлен».

518-522 Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; лег Одиссей на постель; на него он набросил
Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;

523-532 Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглися кругом. Но Евмей, разлучиться
С стадом свиней опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготовился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой

Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копье на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XV

✦

1-5 Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемаха с возлюбленным сыном
Нестора, спящих в сенях Менелаева славного дома.

6-8 Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.

9-13 Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Всё, и без пользы останется путь, совершенный тобою.

14-18 Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель в сраженье,
Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Евримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.

19-23 Могут легко и твое там похитить добро; ты довольно
Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить

Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.

24-26 В дом возвратяся, там все, что твое, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда
Боги тебе самому не укажут достойной супруги.

27-30 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Выбрав отважнейших в шайке своей, женихи им велели,
Между Итакой и Замом крутым притаяся в засаде,
Злую погибель тебе на возвратном пути приготовить.

31-35 Я же того не дозволю; и прежде могила поглотит
Многих из них, беззаконно твое достоянье губящих;
Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье,
Мимо их ночью пройди; благовеющий ветер попутный
Бог благосклонный, тебя берегущий, пошлет за тобою.

36-42 Но, подошед к каменисто-высокому брегу Итаки,
В город со всеми людьми отпусти свой корабль быстроходный;
Сам же останься на бреге и после поди к свинопасу,
Главному там над свиными стадами смотрителю; верный
Твой он слуга; у него ты ночуешь; его же с известьем
В город пошлешь к Пенелопе разумной, дабы объявил ей
Он, что в отчизну из Пилоса ты невредим возвратился».

43-47 Кончив, богиня Паллада на светлый Олимп возвратилась.
Тут от покойного сна пробудил Телемах Писистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: «Пробудися,

Несторов сын Писистрат; и коней громозвучнокопытных
В нашу скорее впряги колесницу; в дорогу пора нам».

48-50 Несторов сын благородный ответствовал так Телемаху:
«Сын Одиссеев, хотя и спешишь ты отъездом, но в путь нам
Темною ночью пускаться не должно; рассвет недалеко.

51-55 Должно притом подождать, чтоб Атрид благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положив в колесницу подарки
Мне и тебе, отпустил нас с прощальным приветливым словом:
Сладостно гостю, простившись с хозяином дома, о нежной
— Ласке, с какою он был угощен, вспоминать ежедневно».

56-58 Так он сказал. Воссияла с небес златотронная Эос.
К ним тут пришел Менелай, вызыватель в сраженье, поднявшись
С ложа от светлокудрявой супруги, прекрасной Елены.

59-61 Сын Одиссеев, его подходящего видя, поспешно
Тело блестящее чистым хитоном облек и широкой
Мантией крепкие плечи, герой многославный, украсил;

62-65 Встретив в дверях Менелая и ставши с ним рядом, сказал он,
Сын Одиссеев, подобный богам Телемах благородный:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
В милую землю отцов мне теперь возвратиться позволь ты;

66-71 Сердце мое несказанно по доме семейном тоскует».
Кончил. Ему отвечал Менелай, вызыватель в сраженье:
«Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду,

Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людям скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;

72-74 Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простись с уходящим.

75-79 Но подожди, Телемах, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.

80-87 Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу, —
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких
Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный». Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.

88-91 Должно прямым мне скорей возвратиться путем — без надзора
Дом и богатства мои, отправляяся в путь, я оставил;
Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое».

92-94 Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.

95-98 Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэфов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.

99-105 Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегапентом;
Вшед в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
Выбрал Атрид там двуярусный кубок, потом Мегапенту
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.

106-112 Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаху навстречу
Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: «Благородный
Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Геры!

113-119 Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы

Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».

120-129 С сими словами вручил Телемаху двуярусный кубок
Сын благородный Атреев; кратеру работы Гефеста
Подал, пришедши, ему Мегапент, Менелаев могучий
Сын, сребролитную. Светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: «Одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный».

130-132 Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Писистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.

133-136 Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;

137-139 Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;

140-146 Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэфов;
Кубки златые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Писистрат привязали
К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.

147-149 Вышел за ними Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;

150-153 Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
«Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражалися в Трое, ахейцы».

154-159 Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!»

160-165 Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворня

С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.

166-168 Несторов сын, Писистрат благородный, сказал Менелаю:
«Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменье это Кронион послал, для тебя ли, для нас ли?»

169-173 Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Писистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
«Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.

174-178 Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратясь, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит».

179-181 Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Если то Геры супруг, громоносный Кронион, позволит,
Буду, тебя поминая, тебе я как богу молиться».

182-184 Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.

185-187 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орсилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;

188-192 Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчалися звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

193-198 Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Писистрату, к нему обратяся:
«Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних
Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.

199-201 Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться
Там, чтоб отец твой меня в изъявленье любви не принудил
В доме промедлить своем, — возвратиться безмерно спешу я».

202-207 Так он сказал; Писистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
Звонкокопытных коней обратить к кораблю и к морскому
Брегу. Вступя на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемаха.

208-214 После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
«Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем

(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
Вслед за тобой с приглашеньем сюда прибежит и отсюда,
Верно, один не воротится, так он упорствовать будет».

215-219 Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
В город пилийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратяся, сказал Телемах благородный:
«Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой».

220-224 То повеление было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собралися и сели на лавках у весел.
Тою порой Телемах приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;

225-227 Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилосе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пилийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;

228-234 Был он потом принужден убежать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эриний.

235-240 Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
В Пилос угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предназначен судьбою
Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.

241-245 В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;

246-249 Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.

250-255 Клита похитила, светлой его красотою пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарая; но он в Гипересию жить, раздраженный
Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.

256-264 Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифейдов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаху, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившися, бросил крылатое слово:

«Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью сопутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?»

265-268 Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Я из Итаки; отцом же моим Одиссей богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;

269-274 Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая».
Феоклимен богоравный ответствовал внуку Лаэрта:
«Странствую также и я — знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;

275-278 Гибель и мстящую Керу от них опасаяся встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой».

279-281 Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят».

282-286 Так он сказал и, копье медноострое взяв у пришельца,
Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,

Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.

287-290 Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;

291-294 Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносоленой
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.

295-298 Круны и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпеян Элиду.

299-302 Острые тут острова Телемах в отдаленье увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссей с свинопасом божественным пищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.

303-309 Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
«Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб сбирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.

310-312 Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;

313-316 В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.

317-320 Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
Людям успех, красоту и великую славу дарует;

321-324 Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить, и разрезывать мясо,
Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных».

325-330 С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город сбираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба:
Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;

331-336 Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец — такие
Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там

Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Останься
Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.

337-339 После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон, и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердцем желанную землю отправлен».

340-345 Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртов: «Да будешь,
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Лаской печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок
Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.

346-349 Здесь я охотно дождусь Телемаха, а ты расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было —
Если еще Гелиосовым блеском они веселятся;

350-354 Или уж нет их и оба они уж в Аидовом доме?»
Сыну Лаэртову так отвечал свинопас богоравный:
«Все по порядку тебе расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;

355-360 Горько он плачет о долгоотсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом

Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых
Мною и мне, оказавших любовь столь печальной кончины!

361-367 Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить, поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитан; я с нею
Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.

368-372 Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,
Также для ног получил и сандалии; после царица
В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро, однако, успехом прилежный мой труд наградили;

373-379 Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на вседневный свой труд возвратиться».

380-382 Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?

383-388 Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену?»

389-391 «Друг, — отвечал свинопас богоравный, людей повелитель, —
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;

392-394 Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелю нам: сон неумеренный вреден.

395-397 Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей Денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;

398-401 Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселяся,
Память минувших печалей веселым о них разговором
В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.

402-404 Я же о том, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;

405-411 Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди

Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколенье живущих,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

412-416 Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктесий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Сиру
Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.

417-422 В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
Мыла она, невдали корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался — любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.

423-425 Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.
Дом указав своего господина, она отвечала:
«Я уроженица меднобогатого града Сидона;

426-429 Там мой отец Арибант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорогую потребовав цену».

430-433 Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
«Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем

Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством».

434-436 Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
«Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялися в отчизну меня отвезти без обиды».

437-440 Так отвечала рабыня; и те поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
К ним обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
«Будем теперь осторожны; молчите; из вас никоторых!

441-444 Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель.

445-447 Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;

448-450 Золота, сколько мне под руки там попадется, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;

451-453 Мальчик смышленый; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка».

454-456 Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.
Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобокий корабль нагружали, торгуя, товаром;

457-460 Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отправлен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;

461-464 Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.

465-467 Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных к обеду.

468-470 (Были в то время они на совете в собранье народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размысля.

471-473 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;

474-476 Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и нощно мы по морю плыли.

477-481 Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
Мертвая на пол она корабельный упала морскою
Курицей — рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.

482-484 Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел».

485-487 Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
«Добрый Евмей, несказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;

488-492 С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та — без приюта брожу меж людей земнородных».

493-498 Так говоря о былых временах, напоследок и сами
В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: взошла светлотронная Эос. В то время у брега,
Снасти убрав, Телемаховы спутники мачту спустили,
Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у брега;

499-503 Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
«В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;

504-507 Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращуся;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я

В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю».

508-510 Феоклимен богоравный тогда вопросил Телемаха:
«Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?

511-517 Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?»
«Феоклимен, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
В прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;

518-520 Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Евримах благородный, Полибия умного сын; на него же
Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.

521-524 Он, без сомнения, лучший меж ними; усердней других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
Ведает, что им судьбой предназначено — брак иль погибель?»

525-528 Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртовым внуком и судном его быстроходным.

529-532 Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемаха,
За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
«Знай, Телемах, не без воли Зевеса поднялся тот сокол

Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.

533-541 Царственней вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится».
Феоклимену ответствовал сын Одиссеев разумный:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться». Потом он сказал, обратяся к Пирею:
«Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.

542-546 Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду к вам».
Выслушав, так отвечал Телемаху Пирей копьевержец:
«Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит».

547-549 Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.

550-554 Тут, в золотые сандалии сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемах благородный.

555-557 Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVI

✦

1-4 Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаху
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;

5-10 Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртов разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
«Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
Машут хвостами; шаги подходящего явственно слышу».

11-20 Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу
Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать
Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго
Жданный в печали, — с такой свинопас Телемаха любовью,

21-24 Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
«Ты ль, ненаглядный мой свет. Телемах, возвратился? Тебя я,
В Нилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.

25-29 Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доныне
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
Видеть, как в доме твоем без стыда женихи бунтовали».

30-35 Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов. Одиссеево ж ложе пустое
В спальной стоит одиноко, покрытое злой паутиной?»

36-39 Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоем Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали».

40-45 Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемах, через гладкий порог перешедши.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемах же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: «Не трудися,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко
Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин».

46-53 Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
Гостем поставил усердный Евмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.

54-59 Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемах богоравный: «Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел он».

60-64 Так отвечал Телемаху Евмей, свинопас богоравный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было.

65-67 Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет.

68-70 Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?

71-77 Я еще молод; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;

78-80 Но чужеземцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; да и меч от меня он получит двуострый;

81-84 После и в сердцем желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.

85-87 В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;

88-96 Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число там велико».
Царь Одиссей хитроумный ответствовал так Телемаху:
«Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать откровенно, —
Милым я сердцем жестоко досадую, слыша, как много
Вам женихи беззаконные здесь оскорблений наносят,

Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:
Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?

97-106 Или, быть может, ты братьев винишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою, и отважность —
Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) —
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,
Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда
Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то всё же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить

107-111 Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков и видеть,
Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделениям гнусным в обителях царских,
Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля».

112-118 «Добрый наш гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркесий;

119-121 Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно
Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.

122-125 Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;

126-128 Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.

129-131 Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных
Скрыто. Теперь побеги ты, Евмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.

132-134 Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смертию мне угрожают».

135-138 Так Телемаху сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?

139-141 Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.

142-145 С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говорят, уж не ест и не пьет, и его никогда уж
В поле никто не встречает, но, охая тяжко и плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости».

146-149 Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.

150-153 Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданною старца».

154-156 Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;

157-163 Тотчас явилась богиня, младою, прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаху ж
Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.

164-168 Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:

«Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаху;

169-171 Оба, условясь, как женихам приготовить их гибель,
Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершим совокупно».

172-175 Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;

176-179 Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
В хижину снова вступил Одиссей; Телемах, изумленный,
Очи потупил: он мыслил, что видит бессмертного бога.

180-182 В страхе к отцу обратяся, он бросил крылатое слово:
«Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;

183-185 Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
Здесь с гекатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй».

186-189 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Нот, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая».

190-195 Кончив, с любовью сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза — удержать он ее был не в силах.
Но — что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, —
Снова, ему возражая, сказал Телемах богоравный:
«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;

196-198 Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;

199-202 Был ты сначала старик, неопрятно одетый; теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Нет, Телемах, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;

203-210 Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,
Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычницы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;

211-214 Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным».
Так он ответствовав, сел; Телемах в несказанном волненье
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.

215-224 В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол иль крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемах, обратясь к Одиссею:
«Как же, отец, на каком корабле ты, какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».

225-227 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;

228-232 Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).

233-235 Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;

236-239 Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть иль другие помощники нужны?»

240-244 Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах благородный:
«Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий —
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всею толпой женихов многосильных бороться.

245-253 Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медонт и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.

254-257 Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
Будет нам мщение горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?»

258-261 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы приискивать новых?»

262-265 Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах богоравный:
«Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь

Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом страшны».

266-269 Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.

270-277 Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери
Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен.

278-280 Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буянство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно
Всё: предназначенный день их погибели близко; терпенье!

281-285 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;

286-290 Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими

Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.

291-294 Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо».

295-298 Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьей кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападенье начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.

299-304 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Если ты вправду мой сын и от крови моей происходишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей свинопас, ни служитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
Ты лишь да я — наблюдать за рабынями нашими будем;

305-307 Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести».

308-310 Так, возражая отцу, отвечал Телемах многославиый:
«Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.

311-315 Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всех их,

Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.

316-320 Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса».

321-327 Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемаха носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к брегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.

328-334 В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратяся,
В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне собственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемахом был послан.

335-337 К дому царя многославного оба пришли напоследок.
Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
«Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица».

338-341 Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах повелел рассказать, прошептал осторожно.
Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.

342-344 Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.

345-347 Так говорить им тогда Евримах, сын Полибиев, начал:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемах, от него мы подобной отваги не ждали.

348-350 Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных; отправить людей, чтоб они убедили
Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться».

351-355 Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к брегу приставший корабль Амфином усмотрел там;
Снасти и весла на нем убирали пловцы. Обратяся
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: «Не трудитесь
Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.

356-358 Видно, их бог надоумил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели».
Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.

359-363 На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою

Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Евпейтов надменный, сказал им;

364-369 «Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходно
По морю плавали взад и вперед до восхода Денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.

370-373 Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покуда
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;

374-377 Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят
Должно нам прежде — пока он народа не созвал на помощь —
Кончить, понеже он медлить, как я в том уверен, не станет.

378-380 Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;

381-386 Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчизны
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбредемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.

387-392 Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем, —
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратяся,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».

393-395 Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;

396-398 Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе
Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.

399-401 Так, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный:
«Нет! Посягать я на жизнь Телемаха, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;

402-405 Прежде богов вопросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь».

406-408 Так он сказал, подтвердили его предложенье другие.
Вставши, все вместе они возвратилися в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместилися гладких.

409-416 Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемаха:

Все благородный глашатай Медонт ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.

417-420 Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
«Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший — так здесь в Итаке
Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?

421-423 Бешеный! Что побуждает тебя Телемаху готовить
Смерть и погибель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.

424-429 Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, устрашенный
Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспротов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;

430-433 Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность».

434-436 Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?

437-444 Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемаха.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль — скажу перед всеми, и верно
Сбудется слово мое, — обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.

445-447 Вот почему и всех боле людей я люблю Телемаха.
Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно».

448-451 Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратяся, там в светлых покоях
Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

452-459 Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.

460-462 Встретив его на пороге, сказал Телемах: «Наконец ты,
Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?

463-465 Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?»
Так, отвечая, сказал Телемаху Евмей благородный:
«Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;

466-469 В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился — первый он все объявил Пенелопе;

470-474 Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;

475-477 Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно».
Так он сказал. Телемахова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.

478-481 Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVII

✦

1-10 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
Взял боевое копье, заощренное медью, которым
Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
«В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мною
Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем

11-13 Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
Хлеба ему иль вина. Мне нельзя на свое попеченье
Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;

14-17 Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;

18-23 Нашему брату обед добывать подаянием легче
В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу

С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
Здесь у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;

24-28 В рубище этом мне холодно; тело насквозь проницает
Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
Так отвечал Одиссей. Телемах благородный поспешным
Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.

29-35 Там, боевое копье прислонивши к высокой колонне,
Он через двери высокий порог перешел и увидел
Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
Слез облилася, увидя его, Евриклея; и скоро
Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
Голову, плечи и руки они у него лобызали.

36-43 Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная; сына она обняла и с любовию нежной
Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:
«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилос
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.

44-47 Все расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».
Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;

48-51 Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой
Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.

52-54 Там я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;

55-60 В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля».
Так говорил он, и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести гекатомбу,
Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.

61-64 Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего видя.

65-69 Все вкруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделясь, подошел он

К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.

70-73 Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемах без вниманья; к нему подошел он.

74-76 Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:
«В дом мой пошли, Телемах благородный, невольниц, чтоб взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида».

77-80 Так, отвечая Пирею, сказал Телемах богоравный:
«Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно
Буду убит я, они все имущество наше разделят;

81-83 Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера —
Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты».

84-90 Кончив, повел за собою он многострадавшего гостя
В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.
Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,
Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же
Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,
В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба
Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.

91-95 Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.

96-105 Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа
В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладкой едой, Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная, сыну сказала:
«Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою
Мстить за Атрида пошел Одиссей, — ты, я вижу, не хочешь,
Прежде чем здесь женихи многобуйные вновь соберутся,

106-108 Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он, жив ли?»
«Милая мать, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.

109-114 Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный
Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,
Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он
В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор
Сам и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;

115-117 Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом
Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,
Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.

118-121 Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,
Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какою
Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?

122-125 Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.
Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:
«О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!

126-130 Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травою обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;

131-137 Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном, —
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, —
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.

138-141 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.

142-146 Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря».

147-149 Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он».

150-154 Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: «Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;

155-159 Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.

160-165 Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаху».
Феоклимену разумная так отвечала царица:

«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться».

166-169 Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.

170-173 Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медонт; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.

174-176 «Юноши, — он им сказал, — вы играли довольно; войдите
В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее».

177-186 Так он сказал им. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той порою
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратяся к Лаэртову сыну:
«Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой, — сказать откровенно,

187-189 Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.

190-194 Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.

195-198 Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить». Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.

199-203 Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.

204-206 Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.

207-211 В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут
Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.

212-216 Там козовод повстречался им — сын Долионов Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.

217-222 «Подлинно здесь негодяй негодяя ведет, — говорил он, —
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
Нищим, столов обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.

223-225 Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
Скоро бы он раздобрел, простоквашей у нас обжираясь;

226-228 Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.

229-238 Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртов

Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же

239-243 Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
«Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проводит!

244-246 Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя».

247-250 Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал свинопасу:
«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;

251-253 Здесь же иль сам Аполлон сребролукий сразит Телемаха
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращенья».

254-263 Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Евримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем

К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалося и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:

264-268 «Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощенный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком — в них ворваться насильно никто не помыслит.

269-271 Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной».

272-276 Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
«Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?

277-279 Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
Или в тебя не швырнул чем, — я так говорю в осторожность».

280-289 Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно

Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключающий смертным
Людям: ему в угожденье и крепкоребристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам».

290-295 Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.

296-299 Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;

300-302 Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;

303-308 Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?

309-312 Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;

313-317 Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
Дома оставил, — ее быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.

318-323 Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».

324-327 Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.

328-332 Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.

333-335 Эту скамью пододвинув к столу Телемахову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом, глашатай
Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.

336-338 Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;

339-341 Сел он в дверях на пороге, спиной прислоняся к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по снуру обтесавши).

342-347 Тут свинопасу Евмею сказал Телемах, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: «Отнеси ты
Это, Евмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья — стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично».

348-352 Так он сказал, и Евмей, повинуясь, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
«Это прислал Телемах; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья — стыдливым
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично».

353-355 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаху,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!»

356-363 Так он сказал и, обеими взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул —
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вкруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;

364-366 В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обыкший.

367-371 С жалостным сердцем они на него в изумленье смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Меланфий, сказал им:
«Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;

372-377 Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
«Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;

378-386 Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы — чужого еще ты привел к нам обжору».
Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:

«Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом, —
Их приглашают с охотою все земнородные люди;

387-389 Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;

390-393 Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемахом, моим господином».
Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;

394-399 Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
Ссориться сам и других на раздор подбивает охотно».
Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
«Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих, — но будет ли Дий тем доволен?

400-402 Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.

403-406 Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник».
Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Евпейтов:

«Что ты сказал, Телемах необузданный, гордоречивый?

407-410 Если б вот это от каждого здесь жениха получил он, —
Верно, сюда бы три месяца вновь заглянуть не подумал».
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
Клал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.

411-416 Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
«Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом!

417-421 Щедродаянье должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;

422-426 Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — была, без сомненья, святая
Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).

427-430 В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.

431-439 Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;

440-444 Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Эсона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имев на пути злоключений».

445-448 Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Евпейтов:
«Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойди от стола моего; на средине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.

449-454 Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
Всех почередно ты здесь обошел; и тебе, что попалось
Под руку каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
Прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
«Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;

455-457 В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохлаждаясь, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен».

458-461 Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
«Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда».

462-465 Тут он скамейкой швырнул — и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,
Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.

466-469 К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: «Обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

470-472 Не было б в том ни беды, ни прискорбия тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступался, вытерпел злые побои;

473-476 Мне ж от руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бед приключающий людям желудок.
Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных —
Смерть, Антиной, а не брак вожделенный ты встретишь, обидчик».

477-480 Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами

Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол».

481-484 Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодуя,
Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
«Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?

485-487 Боги нередко, облекшися в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду».

488-491 Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался
Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.

492-494 Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
«О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!»

495-497 Ей Евринома, разумная ключница, так отвечала:
«Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил».

498-504 Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
«Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;
Но Антиной наиболее с черною Керою сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою, —
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил».

505-511 Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях
Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
«Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слыхал ли
Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много видавшим».

512-514 Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
«Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.

515-517 Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключеньях еще он не кончил рассказа;

518-521 Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;

522-527 С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
Скудно мирским подаяньем питаясь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращался в дом свой с великим богатством».

528-531 Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
«Кликни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;

532-538 Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываяся в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

539-544 Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
С сыном своим он отмстит им за все». Так царица сказала.
В это мгновенье чихнул Телемах, и так сильно, что в целом
Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
«Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;

545-547 Слово мое зачихнул Телемах; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.

548-550 Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.
Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь».

551-555 Кончила. Ей повинуясь, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
Мать Телемаха, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.

556-559 Если ее без обмана ты доброю вестью утешишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улицам ходя,
В городе можешь сбирать от людей — там подаст, кто захочет».

560-563 Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.

564-573 Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой —
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо — то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил».

574-576 Так он сказал; и Евмей, повинуясь, пошел к Пенелопе;
Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он.

577-580 Бедный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете».
Так Пенелопе ответствовал ты, свинопас богоравный:
«Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;

581-584 Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дождаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь».

585-588 Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
«Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных неможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно-развратных».

589-596 Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,
Все передав ей, пошел к женихам; с Телемахом в столовой
Встретился он и, приблизившись, бросил крылатое слово
Шепотом в ухо ему, чтоб его не слыхали другие:
«Милый, теперь я иду; за свиньями, за домом, за всеми
В доме запасами должно смотреть мне; а ты осторожен
Будь здесь, себя береги и смотри, чтоб с тобой никакого
Зла не случилось: зломысленных много тебя окружает.

597-600 Зевс да погубит их прежде, чем бедствие наше созреет!»
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Добрый совет ты даешь мне, отец; но ты сам, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру с отборной свиньею.

601-606 Боги мой ум просветят и меня надоумят, что делать».
Так отвечал Телемах. Свинопас поместился на гладком
Стуле; поужинав сытно и свой удовольствовав голод,
В поле пошел он к свиньям острозубым, оставивши царский
Дом, оглашаемый шумом пирующих; пеньем и пляской
Там веселились. Тем временем темная ночь наступила.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XVIII

✦

1-3 В двери вошел тут один всем известный бродяга; шатаясь
По миру, скудным он жил подаяньем и в целой Итаке
Славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством;

4-7 Силы, однако, большой не имел он, хотя и высок был
Ростом. По имени слыл Арнеоном (так матерью назван
Был при рожденье), но в городе вся молодежь величала
Иром его, потому что у всех он там был на посылках.

8-10 В двери вступив, Одиссея он стал принуждать, чтоб покинул
Дом свой; и бросил ему, раздраженный, крылатое слово:
«Прочь от дверей, старичишка, иль за ноги вытащен будешь;

11-13 Разве не видишь, что все мне мигают, меня понуждая
Вытолкать в двери тебя; но марать понапрасну своих я
Рук не хочу; убирайся, иль дело окончится дракой».

14-19 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Ты сумасброд, я не делаю зла никому здесь; и сколько б
Там кто ни подал тебе, я не стану завидовать; оба
Можем на этом пороге сидеть мы просторно; нет нужды
Спор заводить нам. Ты, вижу, такой же, как я, бесприютный
Странственник; бедны мы оба. Лишь боги даруют богатство.

20-24 Воли, однако, рукам не давай; не советую; стар я:
Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына».

25-29 Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
«Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.

30-39 Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье,
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То приметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким
Он, к женихам обратяся, воскликнул: «Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случалось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поссорился Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно стравить их».

40-43 Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;

44-49 Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим сбирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».

50-54 Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.

55-57 Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».

58-63 Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,
Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
«Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поссорит.

64-67 Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
Будут теперь заодно Антиной, Евримах и другие».
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртов
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.

68-70 Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиловатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.

71-74 Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!»

75-77 Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.

78-81 Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Лучше тебе, хвастуну, умереть иль совсем не родиться
Было бы, если теперь так дрожишь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.

82-85 Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,
Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан.

86-88 Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье».
Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;

89-91 Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?

92-94 Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.

95-104 Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками
Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртов,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил

105-114 Слово: «Сиди здесь, собак и свиней отгоняй; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая
Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
«Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболе теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры

115-117 Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан».
Так женихи говорили; был рад Одиссей прорицанью.

118-127 С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подал Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлеба
Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
«Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе изобилье
Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалимый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты

128-131 Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:
Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;

132-137 Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных и смертных.

138-140 Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.

141-148 Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой тебя уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.

149-154 Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю».
Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье,
Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим
Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью
Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;

155-157 Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада,
Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив.
Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно.

158-162 Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья.

163-165 Так, улыбнуться уста приневолив, она Евриноме,
Ключнице старой, сказала: «Хочу я — чего не входило
Прежде мне в ум — женихам ненавистным моим показаться;

166-168 Также хочу и совет там подать Телемаху, чтоб боле
С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился;
Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их».

169-171 Ей Евринома, усердная ключница, так отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой.

172-174 Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем
Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача,
К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.

175-179 Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги
Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа».
Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала:
«Нет, никогда, Евринома, для них, ненавистных, не буду
Я омываться и щек натирать благовонным елеем.

180-184 Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою.
Но позови Гипподамию, с нею пускай Автоноя
Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату:
К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно».

185-188 Так говорила царица. Поспешно пошла Евринома
Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их.
Умная мысль родилася тут в сердце Афины Паллады:
Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе.

189-194 Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной,
Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:
Образ ее просиял той красой несказанной, какою
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;

195-197 Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.

198-205 Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
Щеки руками спросонья потерши, она им сказала:
«Как же я сладко заснула в моем сокрушенье! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеян славнейший».

206-210 Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;

211-213 Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желание ложе ее разделить с ней.

214-216 Сына к себе подозвавши, его Пенелопа спросила:
«Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте детском
Был ты умней и приличие всякое более ведал.

217-219 Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.

220-222 Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;

223-225 Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
Всякий — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты».

226-229 Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
«Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;

230-234 Но не всегда и теперь удается мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководца
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством
Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.

235-239 Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,

Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!

240-242 Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом свой
Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан».

243-249 Так про себя говорили они, от других в отдаленье.
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Евримах благородный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралося
В доме твоем пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым».

250-253 Так говорил Евримах. Пенелопа ему отвечала:
«Нет, Евримах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.

254-256 Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.

257-260 В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
«Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахеян
Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;

261-270 Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают; в стрелянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне
Или погибель я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь». На прощанье

271-274 Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной. На сердце моем несказанное горе.

275-277 В прежнее время обычай бывал, что, когда начинали
Свататься, знатного рода вдову иль богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;

278-283 В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились». —
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.

284-287 Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.

288-290 Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа».
Так говорил Антиной; согласилися все с ним другие.

291-296 Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь, держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Евримаху.

297-302 Серьги — из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая — подал проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.

303-312 С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившися к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Мерная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,

Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал:

313-316 «Подите Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икария дочери многоразумной;
Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
Дергайте, горе ее развлекая своим разговором.

317-319 Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;
Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».

320-323 Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;

324-330 Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Евримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
«Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приютней тебе; на слова ты
Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;

331-333 Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися, однако;

334-336 Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью облитый».

337-339 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Я на тебя Телемаху пожалуюсь, злая собака;
В мелкие части, болтунью, тебя искрошить он прикажет».

340-345 Слово его испугало рабынь; и они во мгновенье
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готовя
Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.

346-348 Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщение в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.

349-352 Так говорить Евримах, сын Полибиев, начал (обидеть
Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
«Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

353-355 Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
Здесь, но от плеши его, на которой нет волоса боле».

356-359 Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,

Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;

360-364 Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаясь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».

365-374 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
Если б весною, когда продолжительней быть начинают
Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
Огненных, рослых, откормленных тучной травою, могучей
Силою равных, равно молодых, равно работящих,
Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы

375-380 Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кронион
Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
Первым в сраженье меня ты тогда бы увидел; тогда бы
Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.

381-383 Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.

384-386 Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился —
Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
Узкой тебе, неоглядкой бегущему, вдруг показалась».

387-390 Он замолчал. Евримах, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
«Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:
Дерзок в присутствии знатных господ, и не робок душой ты;

391-393 Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, осилив
Бедного Ира, так сделался горд — берегися, однако».

394-398 Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.

399-403 Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незваный
Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;

404-408 Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?»
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;

409-411 Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.

412-417 Тут, обратяся к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.

418-421 Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлися;
Странника ж здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаху: он гость Телемахова дома».

422-428 Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XIX

✦

1-4 Все разошлися; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемах; и сказал он, к нему обратяся: «Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынесть отсюда.

5-9 Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Трою, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.

10-13 Также и высшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится —
Само собой прилипает к руке роковое железо».

14-17 Так он сказал. Телемах, повинуясь родителя воле,
Кликнул старушку, усердную няню свою Евриклею:
«Няня, — сказал он, — смотри, чтоб служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверх не отнес я отцовых оружий;

18-23 Здесь без присмотра они; все испорчены дымом; отца же
Нет. Я доныне ребенок бессмысленный был, но теперь я
Знаю, что должно отнесть их туда, где не может их портить

Копоть». Сказал. Евриклея старушка ему отвечала:
«Дельно! Пора, мой прекрасный, за разум приняться, и дома
Быть господином, и знать обходиться с отцовым богатством.

24-33 Кто же, когда покидать не велишь ты служанкам их горниц,
Факелом будет зажженным тебе здесь светить за работой?»
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Этот старик; не трудяся, никто, и хотя б он чужой был,
В доме моем, получая наш корм, оставаться не должен»,
Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она. Одиссей с Телемахом тогда принялися
Модные с гребнями шлемы, с горбами щиты, с остриями
Длинными копья наверх выносить; и Афина Паллада

34-36 Им невидимо, держа золотую лампаду, светила.
Тем изумленный, сказал Телемах Одиссею: «Родитель,
В наших очах происходит великое, думаю, чудо;

37-40 Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
Все потолка перекладины, все здесь колонны так ясно
Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был кругом их, —
Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует тайно».

41-43 Так он спросил; отвечая, сказал Одиссей хитроумный
Сыну: «Молчи, ни о чем не расспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой уж имеют обычай.

44-46 Время тебе на покой удалиться, а я здесь останусь;
Видеть хочу поведенье служанок; хочу в Пенелопе
Сердце встревожить, чтоб, плача, меня обо всем расспросила».

47-49 Так он сказал. Телемах из палаты немедленно вышел;
Факел зажженный неся, он пошел в тот покой почивальный,
Где по ночам миротворному сну предавался обычно.

50-52 В спальню пришедши, он лег и заснул в ожиданье Денницы.
Тою порою один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Палладой остался.

53-58 Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.

59-68 Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней
Свет. А Меланфо опять привязалась ругать Одиссея:
«Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме служанки
Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся

69-71 Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?

72-74 Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подаянья? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.

75-77 В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;

78-80 Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — так было ему то угодно.

81-84 Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;

85-88 Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссев, младой Телемах, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел».

89-91 Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
«Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;

92-95 Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?»

96-99 Тут, обратясь к Евриноме, сказала она: «Еврином а,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы».

100-102 Так говорила она. Еврином а немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сесть приглашен был на стул Одиссей богоравный женою.

103-105 Так, обратяся к нему, начала говорить Пенелопа:
«Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать? Где родился?»

106-108 Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;

109-113 Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;

114-119 Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:

Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.

120-122 Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят».

123-126 Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
«Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.

127-129 Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.

130-133 Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;

134-136 Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.

137-143 Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману
Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:

«Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;

144-147 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».

148-151 Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.

152-154 Но когда, обращеньем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели —
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;

155-157 Сами они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;

158-163 Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш
Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно, не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

164-170 Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милой семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных
Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.

171-173 Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;

174-183 Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый,
Дед мой, родитель великого Девкалиона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Актон;

184-189 После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малеи застигнутый бурей,
В устье Амнисия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Илифийской, богами спасенный.

К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло иль одиннадцать с тех пор, как поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и сопутники все Одиссеевы хлебом,
Собранным с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:

В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.

В море пустились они». Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает
Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром, —
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее, —
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сидевшем, супруге.

Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо иль рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мигая),
Воли слезам не давал. И, насытяся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:

«Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.

218-227 Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним сопутники были?»
Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много
Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталося в памяти, вам расскажу я:
В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно

228-235 Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.

236-238 Я же — заметь ты — не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?

239-243 Взял ли в подарок прощальный как гость? Одиссея любили
Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Сшитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.

244-246 С ним находился глашатай; немного постаре годами
Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;

247-250 Звали его Еврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен».
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.

251-254 Горестным плачем о милом, далеком супруге насытясь,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
«Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела, —
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.

255-260 Платье, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона».

261-267 Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй

Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я
В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.

268-271 Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних брегов недалекой.

272-277 Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии плывший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за пожранье священных,
Солнцу любезных быков — все погибли в волнах святотатцы.

278-280 Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;

281-290 Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопленья богатств надлежало
Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке —
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который

После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же

291-293 Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.

294-299 Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствии долгом, в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.

300-302 Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих, и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;

303-305 Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.

306-311 Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой». Ему отвечая, сказала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться.

312-314 Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;

315-319 Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной Денницы.

320-324 Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемахом
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.

325-328 Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;

329-331 Кто здесь и сам без любви, и в поступках любви не являет,
Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;

332-334 Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают».

335-339 Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.

340-342 Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой постели.
Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжкой
Я, ожидая пришествия златопрестольной Денницы;

343-345 Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере, к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.

346-348 Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю».

349-355 Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
«Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких, из дальних
Стран приходило — умней же тебя никого не случалось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.

356-360 Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Евриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,

Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнию трудной: в несчастии люди стареются скоро».

361-364 Так говорила она; Евриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
«Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
Так на него, столь покорного воле богов, негодует?

365-368 Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?

369-376 Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.

377-385 Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен». Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:

«Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
Нас повстречать удавалось, слыхал, что во многом друг с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь».

386-395 Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Евриклея; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Евриклея знакомый
Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),

396-398 Славного хитрым притворством и клятв нарушением — Эрмий
Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.

399-406 Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Евриклея. Она тут сказала:
«Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
Зевса о внуке молил». То приняв предложенье, сказал он
Зятю и дочери: «Вашему сыну готово уж имя;

407-409 Вас посетить собирался, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: сердитый.

410-412 Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком».

413-415 Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;

416-420 Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;

421-423 Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.

424-427 Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.

428-430 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.

431-434 Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;
Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;

435-438 В дикую дебрь углубились охотники все; перед ними,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртов
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копья.

439-448 Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах закопавшись
Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно-блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опадших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорщив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копье длиннoострое поднял, готовый

449-451 Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.

452-454 В правое зверю плечо боевое копье сын Лаэртов
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копье; повалился кабан, и душа отлетела.

455-458 Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.

459-466 Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.

467-472 Эту-то рану узнала старушка, ощупав руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.

473-475 Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
«Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!»

476-479 Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратяся глазами в другую
Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.

480-482 Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолив
Ближе к нему, прошептал ей: «Ни слова! Меня ты погубишь;

483-486 Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
Лет. Но — уж если твои для узнания тайны открылись
Очи — молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!

487-490 Иначе, слушай — и то, что услышишь, исполнится верно, —
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится».

491-494 Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
«Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраню, постоянней, чем камень, целей, чем железо;

495-498 Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных».

499-501 Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Нет, Евриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.

502-506 Только молчи. Произволу богов предадим остальное».
Так говорил Одиссей; и поспешно пошла Евриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол

Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;

507-511 Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища скрыл он.
Умная так, обратяся к нему, Пенелопа сказала:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.

512-514 Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;

515-517 Ночью ж, когда все утихнет и все вкруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой
Мучась, в бессоннице тяжкой сижу на постели и плачу;

518-521 Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;

522-527 Плача, Итилоса милого, сына Зефосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать, —
С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достояньем,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?

528-533 Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедля;

534-536 Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;

537-543 Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Снилося мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.

544-546 Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
«Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.

547-550 Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель».

551-553 Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу».

554-558 Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
«Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы».

559-561 Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.

562-565 Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;

566-569 Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.

570-576 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать

С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;

577-581 Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».

582-587 Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкий
Лук, тетивою натянет его и сквозь кольца прострелит».

588-593 Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.

594-597 Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.

598-604 Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь».
Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким
Вверх — не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XX

✦

1-4 Тут приготовил в сенях для себя Одиссей богоравный
Ложе из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Евриклея одела.

5-8 Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.

9-11 Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать, —
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех умертвить их?

12-16 Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, ощенившись,
Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.

17-21 В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
«Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
Спутников он злополучных моих, — и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло».

22-24 Так усмирял он себя, обращался к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.

25-31 Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсюду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
Шайкою сладить. К нему подошла тут Паллада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.

32-34 Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:
«Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший? Разве
Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?

35-40 Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть».
Светлой богине ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко
(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.

41-43 Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я —
Как мне спастися от мщенья родни их? Подумай об этом».

44-51 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Ты, маловерный! Надеются ж люди в беде и на слабых
Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных, —

Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало
Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, — при них же
Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.

52-61 Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,
Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро».
С сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель
Наших тревог, разрешающий сладко усталые члены,
Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,
Села бессонная в горьких слезах на постели; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно
Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:
«О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,

62-65 Тихой стрелою твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася в край тот,
Где начинает свой путь Океан, круговратно бегущий!

66-69 Были ж Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у них; сиротами остались
В доме семейном они; Афродита богиня питала
Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;

70-72 Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных,
Ум и красу; Артемида пленительной стройностью стана
Их одарила; Афина их всех научила искусствам.

73-82 Но когда на высокий Олимп вознеслась Киферея
Там умолять, чтоб супружества счастие дал непорочным
Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
Благо и зло земнородным по воле своей посылает, —
Гнусные Гарпии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эриний, чудовищам в рабство. О, если б
Так и меня олимпийские боги с земли во мгновенье
Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемида
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!

83-86 Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаемся — мы все забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;

87-89 Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;

90-94 Я веселилась; я думала: это не сон — и проснулась».
Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показалось
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.

95-101 Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
«Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя и подвергнул напастям) привел невредимо,
Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».

102-104 Так говорил он, молясь, и Кронион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.

105-108 Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.

109-118 Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегодняшний пир женихов многобуйных! Колена
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству

119-121 Их угождая, — да нынешним кончатся все здесь пиры их!»
Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.

122-124 Тут Одиссеева дома рабыни сошлися из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;

125-127 Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копье, лучезарно блестящее медью;

128-133 Так он ступил на порог и сказал, обратись к Евриклее:
«Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит».

134-139 Так говорил Телемах. Евриклея ему отвечала:
«Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.

140-143 Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постели, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловью постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в сенях; я покрыла его одеялом».

144-146 Так Евриклея сказала. Тогда Телемах из палаты
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собранья ахеян, пошел он.

147-152 Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
«Все на работу! Одни за метлы; и проворнее вместь
Горницы, вспрыснув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестро-пурпурные ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;

153-156 Чаши глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».

157-159 Так Евриклея сказала. Ее повинуяся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.

160-164 Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.

165-167 Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
«Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»

168-171 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»

172-179 Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно
В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаяся, дерзкий Меланфий:
«Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;

180-182 Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды».

183-185 Кончил. Ему Одиссей ничего не ответствовал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;

186-188 Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.

189-193 Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;
Сам же, приближась к Евмею, спросил у него дружелюбно:
«Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный

В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?

194-196 С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают».

197-201 Тут к Одиссею, приветствие правою сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
«Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
Ты удручен — но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!

202-206 Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.
Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.

207-210 Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты
Здесь в стороне кефалленской меня молодого поставил;

211-216 Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколобых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
Доме; богов наказанье не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.

217-225 Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу — но верится все мне еще, что воротится в дом свой
Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит».

226-228 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Видно, порода твоя не простая, мой честный коровник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;

229-234 Радость за то объявляю тебе и клянуся великой
Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он».

235-237 Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
«Если ты правду сказал, иноземец (и Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь».

238-240 Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
Так говорили о многом они, от других в отдаленье.

241-243 Тою порой женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.

244-246 Знаменьем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
«Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире».

247-251 Так он сказал; подтвердили его предложенье другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.

252-256 Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филойтий
Хлебы разнес; а Меланфий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.

257-265 Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемах поместиться; подвинув
К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,
Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
«Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшася; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.

266-269 Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.

270-274 Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, воскликнул:
«Как ни досадно, друзья, Телемахово слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронион, его мы
Здесь упокоили — стал он теперь говорун нестерпимый».

275-278 Кончил; но слово его Телемах без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахеян направлен.

279-283 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.

284-286 Тою порою Афина сама женихов возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэртова сына.

287-290 Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил
Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.

291-295 Так, к женихам обратяся, сказал им Ктесипп многобуйный:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик — и весьма б непохвально, неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто их участка лишал здесь.

296-298 Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».

299-302 Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.

303-305 Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
«Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся
Твой головы чужеземца: он сам от него отклонился;

306-310 Иначе острым копьем повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.

311-313 Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов, — я с целой толпою один не управлюсь;

314-319 Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был беззаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вожделеньям в священных обителях царских».

320-325 Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.

326-329 Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы доныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;

330-332 Было доныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);

333-337 Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,
Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет».

338-344 Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее по неволе
Я и помыслить не смею — то Зевсу не будет угодно».

345-349 Так говорил Телемах. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затуманились; сердце их тяжкой заныло тоскою.

350-352 Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
«Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;

353-357 Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком».

358-360 Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:
«Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;

На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Евримаху:
«Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;

Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».

Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями
Дома его издеваясь, и так говорили иные:
«Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;

Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;

Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».

384-386 Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,
Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с беззаконною шайкой расправу.

387-389 В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.

390-394 Весел беспечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой приготовил с Палладою грозный
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXI

✦

1-4 Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрелянию в цель их и тем приготовить им гибель.

5-10 Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
Золото, медь и железная утварь чудесной работы.

11-19 Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же
Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Ортилоха разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда
Триста быков круторогих разбойничье судно украло.

20-23 Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней, и двенадцать

Добрых жеребых кобыл, и могучих работников мулов.

24-30 Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Гераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он, —
В доме своем умертвил им самим приглашенного гостя
Зверский Геракл, посрамивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.

31-33 Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Евритов лук он ему подарил; умирая, великий
Еврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.

34-41 Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Геракл беспощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.

42-45 Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по снуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);

46-50 С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.

51-53 Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;

54-60 Бережно был он обвернут блестящим чехлом; и, доставши
Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.

61-65 Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом
Меди, железа и с разною утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;

66-72 Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
«Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство

Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный, супруга.

73-79 Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».

80-82 С сими словами велела она свинопасу Евмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел с ним;

83-92 Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филойтий.
К ним обратяся обоим, сказал Антиной, негодуя:
«Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш, и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
И, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный

93-95 Лук. Многосильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне
Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».

96-100 Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первою жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.

101-105 Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
«Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!
Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.

106-112 Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты —
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
Черной земли матерой, — но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою покажите на деле.

113-117 Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».

118-123 Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по снуру уравняв, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.

124-126 Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев
Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.

127-133 Им овладеть, нацепив тетиву, уповая, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условью кивнул головой; отложивши
Труд, обратился к отцу и сказал Телемах богоравный:
«Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду.

134-138 Ваша теперь череда, женихи, вы сильнее; пусть каждый
Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.

139-142 Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают».

143-147 Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Ейнопов,
Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом
Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.

148-156 Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев
Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:
«Нет! Не но силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых
Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно
Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.

157-162 Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье
Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытав Одиссеев и силу над ним утомивши,
С горем в душе принужден за другую ахейскую деву
Свататься будет, подарки свои расточая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».

163-165 Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перяную он к ручке замочной приставил.

166-169 Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.
Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,
Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.

170-173 Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых
Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен
Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной
Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;

174-177 Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней
Сладить с ним». Кончил. Потом, козовода Меланфия кликнув,
«Слушай, Меланфий, — сказал, — здесь огонь ты разложишь; к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;

178-180 Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».

181-185 Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,
Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принес напоследок укруг; и, растаявши сало,
Начали мазать им лук женихи; но из них никоторый
Лука не мог и немного погнуть — несказанно был туг он;

186-193 Взяться за опыт тогда в свой черед Антиной с Евримахом
Были должны, меж другими отличные мужеской силой.
В это мгновение, разом поднявшися, из дома вместе
Вышли Евмей свинопас и коровник Филойтий; за ними

Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
«Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?

194-197 Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы пристали?

198-201 Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце».
Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:
«Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!

202-204 Сам ты увидишь тогда, что и я не останусь празден».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.

205-211 В верности сердца и в доброй их воле вполне убедяся,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
«Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.

212-216 Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно здесь:
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой

Дам и построю вам домы вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемахом.

217-220 Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе».

221-224 Так говоря, он колено открыл, распахнувши тряпицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им знакомый,
Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.

225-229 Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите
Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так горько
Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.

230-233 Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам подан
Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят
В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый стрелами;

234-239 Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне
Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.

240-243 Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.
Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку».
Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.

244-247 После явились один за другим свинопас и Филойтий.
Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим
Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,
Крепость его победить. Застонало могучее сердце;

248-252 Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:
«Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:
Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, —
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятой, и в разных других областях кефалленских.

253-255 Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье —
Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
Лука его, — то стыдом нас покроет и в позднем потомстве».

256-259 Но Антиной, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая:
«Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом
Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня
Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;

260-262 Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.
Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих
В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.

263-268 Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай
Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.
Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий,
Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно».

269-272 Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Тут для умытия рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;

273-276 Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.

277-279 Вот вам — тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие, — добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;

280-284 Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен».

285-288 Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблистающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:

«Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?

289-292 Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Всё недоволен!

293-295 Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им
Некогда Евритион, многославный кентавр, обезумлен.

296-298 В дом Пирифоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пирифоевом доме.

299-302 Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы
Силой его утащили на двор и нещадною медью
Уши и нос обрубили они у него; и рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношеньем покрытый.

303-308 Злая зажглась оттого у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злому Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;

309-313 Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми».
Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа:

«Нет, Антиной, непохвально б весьма и неправедно было,
Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка.

314-316 Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит
Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит?

317-319 Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли;
Будьте ж спокойны и доле таким опасеньем не мучьте
Сердца — ни вздумать того, ни на деле исполнить неможно».

320-326 Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он, — это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
«Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа
Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют.

327-329 Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отрепьем;
Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелою
Метко пробил он». Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».

330-333 Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила:
«Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают
Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят,
Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет;

334-336 Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым.
Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет.

337-340 Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно),
Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит,
Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
Ноги обуть; дам копье на собак и на встречу с бродягой;

341-347 Также и меч он получит, с обеих сторон заощренный,
После и в сердцем желанную землю его я отправлю».
Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это
Право имею — никто из живущих в гористой Итаке
Иль на каком острову, с многоконной Элидою смежном.

348-353 Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может
Страннику стрелы и лук подарить и унесть их позволить.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».

354-363 Так он сказал; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали

Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил здесь

364-367 Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком
Лук оробев, уж готов был поставить на прежнее место;

368-371 Но Телемах, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
«С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.

372-375 Если бы силой такой я один одарен был, какую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежалися разом
Все они, в доме моем беззаконий творящие много».

376-385 Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он
Кликнув усердную няню его Евриклею, сказал ей:
«Слушай, тебе повелел Телемах, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь».

386-389 Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филойтий, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;

390-395 Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он
Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке
Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Роги и не было ль что без него в них попорчено червем.

396-399 Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
«Видно, знаток он и с луком привык обходиться; быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;

400-403 Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?»
«Но, — отвечали другие насмешливо первым, — удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши луком».

404-409 Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных
Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобыкший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает —
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.

410-415 Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселие в грудь Одиссея проникло:
В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.

416-418 Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.

419-422 К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицеляся, в кольца
Выстрелил, — быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.

423-427 Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный:
«Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья.
В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.

428-430 Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить».

431-434 Так он сказал и бровями повел. Телемах богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копье и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXII

✦

1-5 Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
«Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;

6-8 Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.

9-14 Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.

15-22 Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.

23-25 Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
Бегая вкруг по стенам обнаженным, искали оружья —
Не было там ни щита, ни копья, заощренного медью.

26-30 Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
«Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».

31-33 Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которою близкая всех их опутала гибель.

34-40 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!

41-43 В сеть неизбежной погибели все наконец вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.

44-53 Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
«Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершилось; но здесь он,

Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,
Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.

54-56 Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;

57-59 То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».

60-64 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, —
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.

65-67 Выбор теперь вам один: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, —
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».

68-77 Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам устрашенным, воскликнул:
«Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда

Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь

78-87 Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
Медный, с обеих сторон заощренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,
Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом

88-97 Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копье Телемах, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение сбоку напавши,
Кто из ахеян его, занятого копья исторженьем,

98-102 Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
«Щит, два копья медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;

103-106 Сам же надену и латы; Евмею с Филойтием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;

107-112 Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок». Так он сказал; Телемах все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;

113-115 Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий
Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.

116-118 Он же, покуда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промаха; друг подле друга валяся, они издыхали.

119-121 Но напоследок, когда истощилися стрелы, великий
Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.

122-125 Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованый шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
Взял два копья боевых, заощренных смертельною медью.

126-128 Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;

129-134 Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои расстрелял он последние стрелы».

135-138 Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелаю:
«Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.

139-141 Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном».

142-145 Так Агелаю сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.

146-149 С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явилась.

150-156 К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
«Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый
Меланфий?» Робко на то отвечал рассудительный сын
Одиссеев: «Горе! Мое небреженье причиной всему; я виновник
Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.

157-159 Слушай, мой честный Евмей, побеги ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь; служанка ль какая
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею».

160-167 Так говорили о многом они, собеседуя тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?

168-172 Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье
Сам совершил ты за наглое в доме твоем поведенье?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

«С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;

173-176 Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загните
На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;

177-186 В страшных мученьях пускай там висит ни живой он, ни мертвый».
То повеление царское было исполнено скоро:
Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшися, стали
Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
Брал. И лишь только Меланфий ступил на порог (нес прекрасный
Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые
Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),

187-191 Кинулись оба на вора они; в волоса уцепившись,
На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.

192-195 Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:

«Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Меланфий;

196-199 Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь».

200-202 Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.

203-206 Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.

207-209 Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
«Ментор, сюда! Помоги нам; бывалое дружество вспомни;
Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».

210-214 Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.

215-218 С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за дерзость;

219-221 После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
Что ни имеешь ты дома иль в поле, возьмем и, смешавши
Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;

222-224 Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены».
Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афину.

225-229 Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
«Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;

230-232 Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?

233-235 Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно.
Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».

236-240 Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма
Там перекладине легкою сизою ласточкой села.

241-246 Тою порой Агелаем, Дамастора сыном отважным,
Димоптолем, Еврином и Писандр, сын Поликторов бодрый,
С Амфимедоном и умным Политосом яростно были

В бой подстрекаемы (силой они отличались от прочих,
Сколько еще их там было живых и спастись уповавших
Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).

247-250 Так, обратясь к остальным, Агелай; благородный воскликнул:
«Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.

251-253 Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;

254-263 С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить Одиссея».
Так он сказал, и, ему повинуясь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратяся к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
«Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить

264-269 Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесши».
Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димоптолема сразил многосильный

Сам Одиссей, Телемах — Евриада, Филойтий — Писандра,
Старый Евмей свинопас поразил Элатона; и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.

270-272 Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;

273-278 Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилося в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемаха поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копье острием оцарапало кожу.

279-282 Тронул плечо над щитом у Евмея Ктесипп длинноострой
Медью; копье же, над ним прошумев, водрузилося в землю.
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.

283-289 Евридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемахом, Полиб — свинопасом;
Метко нацелив копьем медноострым, Филойтий Ктесиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
«Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных; предайся
В волю богов; им одним подобает и слава и сила.

290-292 Я же тебя отдарил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу».
Так говорил криворогих быков сторожитель Филойтий.

293-296 Тою порою умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:
Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.

297-304 Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
Густо осыплют на пажити слепни сердитые. Те ж их
Били, как соколы кривокогтистые с выгнутым клевом,
С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц, — и густыми
Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;

305-312 Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью их залит
Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.

313-316 В доме твоем ни одной из рабынь, в нем живущих, ни словом
Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
Тщился — напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;

317-319 Страшною участью все неизбежно постигнуты ныне.
Я же, их жертвогадатель, ни в чем не повинный, ужели
Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?»

320-328 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
Дню, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
Прижил, — за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избегнешь». Сказал. И, могучей рукою схвативши
Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвленья
Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;

329-337 Крикнул он — в крике неконченом с плеч голова покатилась.
Но от губительной Керы избегнул сын Терпиев, славный
Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
Пеньем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что выбрать,
Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?

338-344 Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
«Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.

345-349 Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.

350-353 Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».

354-356 Так он сказав, возбудил Телемахову силу святую.
Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
«Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!

357-359 С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неусыпно имел попеченье. Но где он,
Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филойтий?

360-363 Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,

Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.

364-370 Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
«Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно».

371-374 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты, и людям другим говорил в поученье,
Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;

375-377 Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышед,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;
Я же останусь в доме и все здесь устрою, что нужно».

378-380 Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышед,
Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.

381-386 Очи водил вкруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
На берег вытащив их из глубокозеленого моря
Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;

387-389 Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

390-392 К сыну сперва обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушке».

393-397 Так говорил Одиссей. Телемах, повинуяся, отпер
Двери, позвал Евриклею и так ей сказал: «Евриклея,
Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам».

398-400 Кончил. Не мимо ушей Евриклеи его пролетело
Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
Вышла она; и старушку повел Телемах к Одиссею.

401-405 Взорам ее Одиссей посреди умерщвленных явился,
Потом и кровью покрытый; подобился льву он, который,
Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада —
Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная кровью, —
В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.

406-408 Кровию так Одиссей с головы был до ног весь обрызган.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Евриклея
Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;

409-411 Но Одиссей повелел ей себя воздержать от восторга;
Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
«Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;

412-415 Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли;
Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
Знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.

416-418 Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я
Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними».

419-422 Так он сказал. Евриклея старушка ему отвечала:
«Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;

423-425 Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
Службу. Двенадцать из них, поведеньем развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.

426-429 Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали».

430-432 Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
«Нет, не буди, Евриклея, жены; прикажи, чтоб рабыни —
Те, на которых ты мне донесла, — здесь немедля явились».

433-439 Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Евриклея
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
Он же, позвав Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:

«Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.

440-445 После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведеньем развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длиннoострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказанье
Примут они за союз непозволенный свой с женихами».

446-451 Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.

452-456 Вынесши трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемах, свинопас и Филойтий
В зале просторной весь пол, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.

457-464 Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житного башней
Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одисеев сказал им:

«Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись».

465-467 Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.

468-471 Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей — летя на ночлег свой — попавшие (в тесных
Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;

472-474 Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козовод был Меланфий;

475-477 Медью нещадною вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекли ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.

478-481 Руки и ноги свои, обагренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.
Тут Одиссей, обратись к Евриклее, сказал ей: «Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;

482-484 Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок».

485-487 Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;

488-491 Этих нечистых отрепьев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей многоумный:
«Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея».

492-499 Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный
Двор. Евриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок сбирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.

500-501 Он даже дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXIII

✦

1-6 Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшися к спящей, старушка сказала: «Проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.

7-9 Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорявших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху».

10-13 Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, знать, боги твой ум помутили! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобресть несказанную мудрость;

14-19 Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.

20-24 Нет, Евриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила, —

Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Евриклея».

25-27 Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
«Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.

28-31 Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь ругались, —
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье
Знал — но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил».

32-38 Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
«Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Евриклея,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой
Сладил? Они всей толпою всегда собирался в доме».

39-44 Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:
«Сведать о том не могла я; мне только там слышался тяжкий
Вой убиваемых; в горнице нашей, забившися в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемах из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.

45-47 Там Одиссей мне явился, меж мертвыми страшно стоящий;
Трупы их были один на другом на полу, обагренном
Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.

48-51 Потом и кровью покрытый, он грозному льву был подобен.
Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботяся дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.

52-54 Ждет он; пойдем; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:
Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;

55-57 Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашел, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье».

58-61 Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —
Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;

62-64 Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным развратом и их наказавший злодейства.

65-68 Правда была им чужда; никого из людей земнородных —
Знатный ли, низкий ли к ним приходил — уважать не хотели;
Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...
Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он».

69-74 Ей Евриклея разумная так, возражая, сказала:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно

Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;

75-77 Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою
Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.

78-82 Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно.
Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Трудно тебе, Евриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.

83-92 К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их».
С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль, приближась,
Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.

93-99 Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:

«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?

100-102 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.

103-110 Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственней камня».
Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
«Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнесть не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».

111-116 Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично.

117-120 Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать
Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Близких друзей и родных за убитого мстить остается —
Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.

121-126 Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;

127-131 Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Слушай же; вот что мне кажется самым удобным и лучшим:
Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;

132-136 Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
Струны и пение в доме, соседи и всякий идущий
Мимо по улице думать могли, что пируют здесь свадьбу.

137-140 Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
За город на поле наше, в наш сад плодовитый; там можем
Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев».

141-145 Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
Цитру настроив глубокую, в них пробудил вожделенье
Сладостных песней и стройно-живой хороводныя пляски.

146-151 Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалася пением звучным рабов и служанок;
Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
Думал: «Решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дождаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела».

152-154 Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.

155-158 Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.

159-161 Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;

162-167 Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;

168-170 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.

171-176 Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
Но Одиссею разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.

177-180 Если ж того он желает, ему, Евриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом.

181-183 Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;

184-191 Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалася тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;

192-194 Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;

195-200 После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по снуру обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;

201-204 Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».

205-210 Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;

211-214 Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась;

215-217 Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.

218-221 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покоряся,
В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахеяне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.

222-224 Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.

225-228 Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужстве;

229-231 Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.

232-235 Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;

236-238 Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемлют они, избежав потопленья.

239-246 Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
Рук белонежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:

Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.

247-250 Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
«О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.

251-253 Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и сопутникам день возвращенья.

254-259 Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
Сон погрузившись, свои успокоить усталые члены».
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
«Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;

260-264 Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
«Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.

265-273 Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: «Покинув

Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;

274-283 Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным

284-287 Счастьем богатый». Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий».
Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
«Если достигнуть до старости нам дозволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся».

288-292 Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой Еврином а с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Евриклея;

293-296 Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
В спальню вступили они; Евринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.

297-299 Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.

300-309 Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидах: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.

310-313 Он рассказал: как вначале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;

314-317 Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;

318-321 Как принесен был он к брегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и сопутников меднообутых
Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;

322-325 Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;

326-328 Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избегнул, прошел невредимо;

329-337 Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказанье за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных сопутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К брегу Огигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;

338-341 Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.

342-348 Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.

349-351 С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
«Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;

352-354 Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.

355-358 Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.

359-361 Надобно прежде, однако, наш сад плодовитый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа.

362-365 С восходом Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».

366-372 Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0

ПЕСНЬ XXIV

✦

1-10 Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, —
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;

11-14 Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.

15-18 Первая им повстречалася тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.

19-22 Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.

23-27 Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: «Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал: им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.

28-31 Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.
О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!

32-34 Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты».

35-42 Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
«Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вкруг тебя, и за труп твой
Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозою.

43-49 Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахеян, свои от печали

Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахеян;

50-56 Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратяся к товарищам, так им сказал он:
«Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть».

57-59 Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;

60-62 Музы — все девять — сменяяся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;

63-65 Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;

66-75 Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Гефестово пламя пожрало

Труп твой, с восходом Денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, созданье Гефеста.

76-79 Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахеян любим был.

80-82 Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копьеносных аргивян у светло-широких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;

83-85 Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;

86-88 Были ценою победы на играх они для ахеян.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;

89-92 Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжалися к бою, —
Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.

93-95 Так и по смерти ты именем жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?

96-98 Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной».
Так говорили о многом они в откровенной беседе.

99-104 Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,
Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумяся, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу Амфимедона,
Мелантова славного сына, узнала. Житель
Итаки, он гостем издавна Атриду считался;

105-114 Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,
Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.

115-117 Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Илиона могучие стены?

118-122 Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
Прежде, чем был убежден Одиссей, городов сокрушитель».
Амфимедонова тень отвечала Атридовой тени:

«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памятно все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.

123-125 Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;

126-128 В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.

129-133 Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи, — поелику на свете
Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;

134-137 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».

138-140 Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.

141-144 Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчалися месяцы, дни пролетели, —
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;

145-149 Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна иль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;

150-152 В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.

153-155 Оба они, там замыслив ужасную нашу погибель,
В город вошли многославный; сперва Телемах, Одиссеев
Сын; а за ним напоследок и сам Одиссей хитроумный;

156-158 Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.

159-161 Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;

162-166 Долгое время он в собственном доме с великим терпеньем
Молча сносил и швырянье, и наши обидные речи.
Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;

167-169 После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной погибели нашей.

170-174 Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то недостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещая бродяге, хотя и просил он.

175-177 Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.

178-180 Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;

181-183 Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.

184-188 Страшное тут началося убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный кровью
Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не сведал еще ни один из родных и из ближних;

189-192 Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам».
Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
«Счастлив ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!

193-198 Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икария; мужу, любящим
Сердцем избранному, верность она сохранила; и будет
Слава за то ей в потомстве; и в песнях Камен сохранится
Память о верной, прекрасной, разумной жене Пенелопе.

199-202 Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
В руку убийцы супруга предавшей: об ней сохранится
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен, поведеньем своим беспорочных».

203-207 Так говорили о многом они, собеседуя грустно
В темных жилищах Аида, в глубоких пределах подземных.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышед из града,
Поля достигли, которое сам обрабатывал добрый
Старец Лаэрт с попеченьем великим, давно им владея.

208-211 Сад там и дом он имел; отовсюду широким навесом
Дом окружен был; и днем под навесом рабы собирались
Вместе работать и вместе обедать; а ночью там вместе
Спали; была между ними старушка породы сикельской;

212-214 Старцу служила она и пеклася о нем неусыпно.
Так Одиссей, обратясь к Телемаху и к прочим, сказал им:
«Все вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.

215-218 Лучшую выбрав свинью, на обед наш ее там зарежьте;
Я же к родителю прямо пойду: испытать я намерен,
Буду ль им узнан, меня угадают ли старцевы очи,

Или от долгой разлуки я стал и отцу незнакомцем».

219-221 Так говоря, он оружие отдал рабам; и поспешно
В дом с Телемахом вступили они; Одиссей же направил
Путь к плодоносному саду, там встретить надеясь Лаэрта.

222-224 В сад он вступив, не нашел Долиона, и не было также
Там ни рабов, ни детей Долионовых; посланы были
Все они в поле терновник сбирать для заграды садовой;

225-227 С ними пошел и старик Долион указать им дорогу.
Старца Лаэрта в саду одного Одиссей многоумный
Встретил; он там подчищал деревцо; был одет неопрятно;

228-232 Платье в заплатах; худыми ремнями из кожи бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове, наклоненной от горя.

233-237 Так Одиссею явился отец, сокрушенный и дряхлый.
Он притаился под грушей, дал волю слезам и, в молчанье
Стоя там, плакал. Не знал он, колеблясь рассудком, что сделать:
Вдруг ли открывшись, ко груди прижать старика и, целуя
Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?

238-240 Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.

241-244 Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссеи лучезарный:
«Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;

245-247 Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.

248-251 Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.

252-255 Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоем нахожу я;
Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.

256-260 Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь смотришь?
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Вправду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?

261-264 Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Аида сошел он?

265-270 Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран приходило ко мне; но такой между ними разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
Аркесиада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.

271-274 Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью — много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;

275-277 Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;

278-282 Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:
Были они молодые, красивые; сам он их выбрал».
Крупную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
«Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.

283-286 Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя отдарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.

287-292 Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалося лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,

Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;

293-296 Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.

297-299 Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?

300-304 Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;

305-307 Полипимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Еперит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сикании плывшего, бросил;

308-312 Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;

313-317 Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце».
Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.

318-323 Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его, — он сражен был родителя скорбью.
Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
«Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей богов возвратившийся в землю отцов через двадцать
Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушенье и слезы.

324-326 Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».

327-329 Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:
«Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой, —
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомненье».

330-332 Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;

333-335 Был же туда я тобою и милою матерью послан
К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.

336-338 Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.

339-344 Сам ты, деревья даря, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз обещал, приносящих весь год многосочные грозды:
Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса».

345-348 Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;
Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;

349-352 Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:
«Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.

353-355 Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде
Скоро мятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефалленским».

356-358 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.
Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;

359-364 Я уж туда Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».
С сими словами к красивому дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый
Дом, Телемах там с Филойтием, с старым Евмеем, состряпав
Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.

365-369 Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным елеем натерла,
Чистою мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.

370-374 Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»

375-382 Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославиый:
«Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Был я таков, как в то время, когда с кефалленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».

383-386 Так говорили они, собеседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.

387-392 Скоро с работы пришел и старик Долион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня сикельская вышла.
(Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.

393-396 Ласково к ним обратяся, сказал Одиссей хитроумный:
«Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленье
Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».

397-402 Так он сказал. Долион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанного радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!

403-405 Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать к ней?»

406-411 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».
Так отвечал Одиссей. Долион поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долиона.

412-414 Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;

415-419 Все взволновалися жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбежался народ к Одиссееву дому;
Вынесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В домы семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.

420-422 На площадь стали потом все печально сбираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;

423-428 В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первою жертвою был Одиссея,
Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Трою увлекши
Вслед за собой, корабли и сопутников всех погубил он;

429-432 Ныне ж, домой возвратись, умертвил кефалленян знатнейших.
Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, —
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;

433-436 Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.

437-441 Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!»
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
Ночь ту проведшие, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.

442-444 Умные мысли имея, Медонт им сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;

445-449 Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее
Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».

450-452 Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;

453-455 С мыслью благой обратяся к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;

456-460 Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вечно.

461-464 Вот вам теперь мой совет; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскочила; покойно на месте остались другие.

465-468 Те ж, негодуя на речь Алиферсову, вслед за Евпейтом
Бросились шумно-неистовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившися в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собралися великой толпою.

469-471 Их предводитель Евпейт, обезумленный горем великим,
Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.

472-474 Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: «Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?

475-478 Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочетаться?»
Ей возражая, ответствовал тут собиратель Кронион:

«Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;

479-486 Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный — имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
В жертву забвению мы предадим; и любовь совокупит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».

487-491 Кончив, велел он идти нетерпеньем горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытяся вдоволь, обед свой окончили. Голос
Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:
«Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть: не идут ли?»

492-495 Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»

496-499 Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
Взяли — седые, нуждой ополченные ратники-старцы.

500-503 Все совокупно, облекшися в медноблестящне брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,

Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;

504-509 Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
К сыну потом обратяся, он бросил крылатое слово:
«Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страха не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».

510-512 Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».

513-515 Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
«Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости спорят!»

516-519 Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
«Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу».

520-522 Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.

523-525 В медноланитный Евпейтов шелом он попал, и, защиту
Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загремели доспехи.

526-531 Тут на передних ударя сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спеша отвратить от народа:
«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!

532-535 Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
Пали на землю, сраженные криком богини громовым;

536-538 В бегство потом обратясь, устремились, спасаясь, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.

539-544 Но громовою стрелою Крониона вдруг раздвоилось
Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион».

545-548 Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой приявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

Une Sacra · издание 1 · unesacra.com · CC BY-NC-SA 4.0